

Александр Бренер, Барбара Шурц

ТУК-ТУК! РУБИТЕ СУК!

или

ТОТАЛЬНАЯ РАСПРЯ

(трагедия и фарс)

эта книга вдохновлена:

Эрихом фон Штроггеймом – отчаянным бунтующим стариканом,
Момусом – говнецом, весёлым самцом и насвистывающим тараканом,
Пазолини – упорным искателем комы и мистическим нонконформистом,
режиссёром Гаспаром Ноз – мелким авантюристом,
Сержом Гинзбуром – сладкой бляхой, но умной помойной мухой,
Джейн Биркин – красивой и прельстительно-изысканнейшей старухой,
Руди Рюкером – математиком и лучшим на сей день писателем,
Эриком Свенсоном – хохотунчиком и унитазомарателем,
Ибн ар-Руми – бывалым доходягой, рюхой, повитухой и плюхой,
Сальмой Хайек в роли Фриды Кало – обаятельнейшей молодухой,
Рабле – добротным, грандиозным и чрезвычайно везучим гадом,
Субкоманданте Маркосом – статным и очевиднейшим антиретроградом,
Альфредом Жарри – несчастным велосипедным пропойцей и гением,
Теодором В. Адорно – не до конца состоявшимся светопреставлением,
Джимом Авиньоном – музыкантишкой и задёрганной шлюхой,
Джулианом Темплом – собакой, обладающей изумительным слухом,
фильмом Карлоса Рейгадоса «Япония» – блестящей, по сути, вещицей,
Кэти Акер – татуированной и крайне соблазнительной пиццей,
Леонардо да Винчи – набобом, странным типом и снобом,
Петером Слотердайком – мужем похотливым, хитрым и мягколобым,
а также Джорджем Кацификасом – потрёпанным барбосом с поносом,
ну и всеми остальными безумцами, бунтовщиками и отбросами.

Знайте: вы все – отнюдь не наши кумиры!

Нам любы и дороги ваши подмышки,
а не ваши мундиры!

Александр Бренер, Барбара Шурц

ТУК-ТУК! РУБИТЕ СУК!

или

ТОТАЛЬНАЯ РАСПРЯ

(трагедия и фарс)

эта книга вдохновлена:

Эрихом фон Штроггеймом – отчаянным бунтующим стариканом,
Момусом - говнецом, весёлым самцом и насвистывающим тараканом,
Пазолини - упорным искателем комы и мистическим нонконформистом,
режиссёром Гаспаром Ноэ - мелким авантюристом,
Сержом Гинзбуром - сладкой бляхой, но умной помойной мухой,
Джейн Биркин – красивой и прельстительно-изысканнейшей старухой,
Руди Рюкером – математиком и лучшим на сей день писателем,
Эриком Свенсоном – хохотунчиком и унитазомарателем,
Ибн ар-Руми - бывалым доходягой, рюхой, повитухой и плюхой,
Сальмой Хайек в роли Фриды Кало - обаятельнейшей молодухой,
Рабле – добротным, грандиозным и чрезвычайно везучим гадом,
Субкоманданте Маркосом – статным и очевиднейшим антиретроградом,
Альфредом Жарри – несчастным велосипедным пропойцей и гением,
Теодором В. Адорно – не до конца состоявшимся светопреставлением,
Джимом Авиньоном – музыкантишкой и задёрганной шлюхой,
Джулианом Темплом – собакой, обладающей изумительным слухом,
фильмом Карлоса Рейгадоса «Япония» - блестящей, по сути, вещицей,
Кэти Акер – татуированной и крайне соблазнительной пиццей,
Леонардо да Винчи – набобом, странным типом и снобом,
Петером Слотердайком – мужем похотливым, хитрым и мягколобым,
а также Джорджем Кацификасом – потрёпанным барбосом с поносом,
ну и всем остальными безумцами, бунтовщиками и отбросами.

Знайте: вы все - отнюдь не наши кумиры! Нам любы и дороги ваши
подмышки, а не ваши мундиры!

Александр Бренер, Барбара Шурц

ТУК-ТУК! РУБИТЕ СУК!

или

ТОТАЛЬНАЯ РАСПРЯ

(трагедия и фарс)

Москва 2003

brener_schurz@yahoo.com

другие названия этой книги:

РОЙ, РОЙ, ЧЁРНЫЙ ГЕРОЙ! В БОЙ! В БОЙ!

или

ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА ШАТТЛА-ХУЯ С КААБОЙ-ПИЗДОЙ

или

К ЧЁРТУ ВАС ВСЕХ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ НИЦШЕ!!!

или

ЛЮБОВЬ К РАЗДОРАМ УКРАШАЕТ ДЕВИЧЬИ СНИЦШЕ

или

ВСЕ ЭТИ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ТЫ ПРИБЕГАЛ К ДЖИПСИ

или

НАШЕСТВИЕ БАФОМЕТА НА ПУТИНСКИЕ ХИПСИ-ДРИПСИ

или

НОВЫЙ ДЕКАМЕРОН: ЧУМА ПРОТИВ ИСТАБЛИШМЕНТА

или

СПОР ЛУКРЕЦИИ БОРДЖИА С АГЕНТАМИ ЧИНКВИЧЕНТО

или

РЕКЛАМА ДЛЯ НАС: РАЗ - И В ГЛАЗ! РАЗ – И В ГЛАЗ!

или

ЖИЗНЬ БЕЗ ДЕНЕГ НЕВЫНОСИМА, ФЕЛЬДМАРШАЛ КЛААС

или

МЫ ЛЮБИЛИ ТЕБЯ, ПАЗОЛИНИ! А ТЕПЕРЬ - НЕТ!

или

ШМЯК-ШМЯК, СТАРЫЙ ГОРЕЛЫЙ БАРДАК! ГЕЙ-ПРИВЕТ!

или

ВРЕМЯ ПРОХОДИТ И ПИСАЕТ НА ВСЕХ НАС, ТРУСЫ

или

ВОСЬМАЯ ДЕТАЛЬ МИРОВОЙ ГОЛОВОЛОМКИ: КУКУСЫ

или

ОЧЕРЕДНЫЕ ПЕСНИ КРАСАВЧИКА МАЛЬДОРОРА

или

ЧИТАЯ ВСЁ ЭТО, НЕ ОБЕРЁТЕСЬ ПОЗОРА

наш девиз:

**СВОБОДА – НЕ МИФ!
КИФ! КИФ!**

ПОСВЯЩЕНИЕ

Настоящее песнопение (лучшее за сто лет поэтическое сочинение) посвящается всем-всем-всем (хем-хем-хем!), кто имеет очки на всякий случай, уд непомерно дрючий, зад пахучий, торчковые соски, в пупке пески, клитор, брусничного морса литр, голос скрипучий, зуд палючий, крючковатый нос, на ключице засос, короткую отрыжку, Клоссовского книжку, элегантные ягодицы, ацтекские ицы, в мочевом пузыре водицу, курицу в рукавице, волосатые половые губы, убы-юбы, съеденные зубы, проткнутые уши, груди как груши, юши-муши, мусор в желудке, выемку на грудке, подобртые подмышки, пышки в излишке, пустые излишки, записную книжку, чересчур откровенные трусы, которые воняют, как подпочечники лисы, а также тем, кто предпочитает заношенные носки и больничную рубаху, нежели шевроны, сапоги и папаху, кто не любит тюрьму и жалеет Муму, уму-юму, кто терпеть не может сплетничать и кокетничать, и хромает, и считает, что Изидор Дюкасс выше графа Лотреамона, она-мона, у кого вместо одеяла попона, кто мочится, оставляя брызги на стульчаке, кто, ныряя в синее море, забывает о загробной реке, кто не брезгует брать своё говно в руку, кто обожает полевые цветы и весёлую науку, кто по утрам рассматривает свои недобритые ноги, кто идёт вперёд, презирая всяческие дороги, кто не стесняется заглянуть в чужой ящик, кто сам себе поставщик и заказчик, кто слушает только себя и «The Little Red Songbook» Чао Бя! Гля! Тля! Мря! Бря!

А также тебе, дорогая Габриэлла, – голая девушка с пурпурным цветком в волосах, с торсом под ворсом, которая целый день только и мечтает о сексе-кексе, валяется на лиловом полотенце возле бассейна-хуссейна и считает, что половой акт – это военный пакт, а также самое приятное, самое замечательное, что может быть на этом свете. А если рядом нет мужчины, то приходится мастурбировать-онанировать-массажировать, потому что невозможно продержаться без секса и дня. Мастурбировать же можно либо перед зеркалом, либо под душем, либо когда смотришь видео, либо когда листаешь порнографические журналы. Порнография одновременно возбуждает, и вдохновляет, и вразумляет, как розовый снег или Курская битва. Когда листаешь журналы или смотришь видео, представляешь себя на месте девушек, которые участвуют в этих порнографических сценах: оп-ля! Однако все они без исключения – безграмотные дуры, сучье вымя, паучье отродье, старосты угодье. Пойми это, милая и несчастная полногрудая Габриэлла-пиздобелла. И знай: прекрасны лишь одногрудые воинствующие амазонки.
Ууууууууууууууууу!

ОБ АВТОРАХ ЭТОЙ КНИГИ

Самая длинная на свете змея
Встретила самую красивую в мире женщину.
Они сдружились навеки. Вокруг них зеленела земля
И цветы заполняли каждую каменистую трещину.
Это не миф и не сказка. Так это было и есть.
Им не вредила ни травля, ни зависть, ни лесть.
Им нравилось смотреть друг другу в глаза
И гадать, на кого же из них опустится стрекоза.
Они любили лежать на берегу моря,
Тайные ходы и выходы в сухом песке роя.
Ещё они обожали обвиваться вокруг друг друга:
Порой это был для них труд, а порой – разновидность досуга.
Они и сейчас гуляют где-то в Латинской Америке.
Газеты, журналы и радио вопят на них в гнусной истерике:
Скандал! Скотоложество! Гадость!
А мы думаем, что они - воплощённая радость.
Их сексуальная энергетика так высока,
Как профессору Райху когда-то мечталось.
А сознательность их не менее глубока,
Чем кумачового знамени алость.

**СТИХОТВОРНАЯ АРАБЕСКА,
ПОСВЯЩЁННАЯ АДОЛЬФУ ЛООСУ, СКАЗАВШЕМУ:
«ОРНАМЕНТ – ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ!»**

Для тебя, Адольф, орнамент – преступление. Мур-мур! Гвар-гвар!

А для нас, Адольф, орнамент – наслаждение. Гвур-гвур! Швар-швар!

Для тебя, Адольф, орнамент – искажение. Врас-врас! Дир-дир!

А для нас, Адольф, орнамент – приближение. Вас-вас! Звир-звир!

Для тебя, Адольф, орнамент – упущение. Мис-мис! Чвак-чвак!

А для нас, Адольф, орнамент – восхищение. Тиз-тиз! Як-як!

Для тебя, Адольф, орнамент – прободение. Жвак-жвак! Бур-бур!

А для нас, Адольф, орнамент – пробуждение. Шмяк-шмяк! Чур-чур!

Для тебя, Адольф, орнамент – опошление. Бес-бес! Жок-жок!

А для нас, Адольф, орнамент – воплощение. Крез-крез! Мрок-мрок!

Для тебя, Адольф, орнамент – украшение. Фиш-фиш! Цях-цах!

А для нас, Адольф, орнамент – воскрешение. Пыж-пыж! Нах-нах!

Для тебя, Адольф, орнамент – разрушение. Пир-пир! Дор-дор!

А для нас, Адольф, орнамент – возвышение. Знир-знир! Ёр-ёр!

Для тебя, Адольф, орнамент – невладение. Ул-ул! Киф-киф!

А для нас, Адольф, орнамент – овладение. Дул-дул! Вив-вив!

Для тебя, Адольф, орнамент – оскотление. Ибн-ибн! Свар-свар!

А для нас, Адольф, орнамент – искупление. Липн-липн! Фар-фар!

Для тебя, Адольф, орнамент – преступление. Кот-кот! Ичл-ичл!

А для нас, Адольф, орнамент – иступление. Вдор-вдор! Личл-личл!

Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря!

Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря!

Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря! Распря!

ЧТО ЭТО ЗА КНИГА (И КНИГА ЛИ ВООООЩЕ)?

Эта книга – не книга, а кошачья вздыбленная шерсть. Но в то же время она - собрание листовок. Высочайшая на сегодняшний день мировая поэзия. Жир, просто жир. Сера из ушей. И вместе с тем – вопль стеснённого духа. Посредственный футуристический водевиль. Чистой воды нонсенс, неудача, провал. И при этом – поэтический подвиг.

На самом деле всё это не имеет никакого значения, как причёска мёртвого пуделя. Писаки - ссаки. Николай Кононов и Олег Аронсон, вы – макаки!

Какая сейчас самая лучшая литература на свете? Пети-мети: литература на водосточных трубах, на фасадах. Листовки. Этим мы тут и занимались. И занимаемся. Нужно прогуляться, проветриться, помучиться, чтобы передать писульки в руки других людей, чтобы сбросить с крыши дома в толпу. И вы в этом хотите поучаствовать, дорогой Боборыкин? Хотите, мадам Фурцева? Хотите, Кирилл Медведев – медведь Кирилла?

Шило вам! Шило в жилу!

Хорошие листовки всегда пишутся не как листовки. (И не для тусовки.) А как поэзия. (То есть для Аннабель Ли или Тиресия.) Любовь не следует путать с поэзией-спесией. Поэзия – это революционный момент языка, а любовь – революционный момент сознания. Вах! Вах! Вах! Вах! Поэзия – это архииндивидуалистический языковой акт той или иной персоны, взбешённой тем, что она видит, слышит и обоняет вокруг. Ссаки!

Кто из вас, мальки, способен на АРХИИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЙ акт?! Ссаки! (Вот всё, что мы обоняем вокруг!)

Листовка - не истребитель и не пластмассовая игрушка. Скорее уж она яростное раздражающее насекомое. Жж-жжж-жжжж! Листовка – это и уловка, потому что всякий пишущий – трус и предатель, и одновременно листовка – зажигалка и вербовка. Кого? Кого? Новых взбешённых персон. (Поэзия – это не счастье!) И-го-го!!!!

Но когда же это всё кончится? Когда? Гда! Гда! Когда?! Да вы вообще знаете, в каком мире вы живёте и подыхаете – вернее прозябаете? Да? Нет? Да? Нет? М-да!!!

Почему вы сами не пишете листовки и не распространяете их? Пых! Пых! Пых! Пых!

Потому что вам внушили, что вы грызуны и лизуны! А вы: ага, да-да! Бда-бда! Бда-бда!

Это ли не катастрофа?!

Офа-офа!!!

Разрушение литературы – это задача, которую ставили Дюкасс, Рембо, Краван, Баадер, Дебор и другие побеги лихие. Ставили не только себе, но и нам. (ВААААМ?!!) Ну и что же теперь? Вместо этих великолепных лбов нас сегодня окружают такие маслянистые булки, как Пелевин, Гандлевский, Шумахер, Каминер, Туфтагонов, Шиш Брянский, Акунин, Пунин, Бунин, Бакунин, Моргулин, Никулин... (Ну и, дрянь, псевдонимы! ОМОН лит-ры! Вонь норы! Рыры!) Что делать с их книгами-фигами? Мы не хотим даже прикуривать от них наши гаванские сигары! (Которых, вообще говоря, не существует, гады. Вы и рады?) Товары этих господ не горят. Бздят, бздят! Они имеют те же характеристики, что и прилипшее к подошве говно или съедобные трусы из секс-шопа. О-па! О-па!

Ещё три-четыре наводнения в Европе, и есть надежда, что терпение стерилизованных масс лопнет и они совершат революцию. Вплыв! Мавы! Вплыв! Блавь! Да только всё это враки! Ссаки! (Надежды невежды!)

Макаки! МАКАКИ!

Ничего не будет! У Юдит! У Юдит! Мы, однако, не хотим пассивно и мирно поджидать это неопишемое событие: ни-за-что-ничего-революцию–никогда-не-будет. У Юдит! У Юдит! Поэтому, именно поэтому мы пишем какие-то, как говорят разные сволочи-приговы, «тексты». Кексы анарексы. Ксеркса пексы-вексы. Ну, листовки. Ну, стихи. Все писатели, повторяем, – предатели. Какатели-каратели. Это аксиома. Ома! Ома! Мы тоже. Оже! Оже! А впрочем – врешь, дудки! Бля буду, забудки! Мы вам в морду дадим после всех стихов! И в этом разница, потому что вы стихами друг друга слюнявите. Юнявите! Вы стихами, как глистастая собака жопой, хозяйский ковёр подтираете! Ждираете! Ждираете! А мы нет!!! И вообще, мы не так пишем, как вы!!! Отнюдь, говнюдь. (Куть, куть!) Не ощипаннкими яйцами, а неощипаннкими! И вообще не яйцами, а хуем! Пиздой! Твоей и моёй! Творческая тайна!!! Дураки! Ясно?

ВСЁ ЭТО ОПАСНО, ОПАСНО, ОПАСНО!!!

Мы приклеиваем на вас, жабы, наши стенания. На зад, на поясницу, на спину-ляжки. А вы с этими бумажками, как мудаки, ходите и не замечаете. Баете! Баете! Право слово: мудаки! Ки-ки! Ки-ки! Что же ещё делать в такое время, когда публикация книг похожа на клонирование овец? Долли! Долинька!! Долли!!!

Доколе? Доколе?

Ты, профессор Смирнов, - бездарь и перекаати-поле! Стервец!

Конец! Конец!

Ты, Георг Шёллхаммер, - мизерабельнейший подлец!

Пиздец! Пиздец!

А всё равно без творчества – тошно. Вошно. Истошно. Хуёшно. Мошно. Кромешно. Мерзко, отвратно. Без творчества становишься Петей Рябовым. (Или Приговым-Ивовым.) Нет и нет этому! Чур! Мы, чёрт подери, хотим быть не Петей Рябовым и не Г. Г. Маркузе, а ПЛАМЕННЫМИ КОТАМИ, то есть небывалыми зверями, у которых вместо шерсти – огонь. Вонь! Дроны! Шонь! Гори! Гори! Фри! Фри! Вот это образ – не то что дикобраз! Топаз! Муравьед! Фридрихов обед! Какой тут ОПояЗ, какой тут формализм! ВАЗ! ВАЗ! Газ! Маз! МинГАЗ! Это – высшего сорта НОНКОНФОРМИЗМ!!! (Хотели бы продать японским аниматорам, да только не знаем, как до них добраться.) Изм! Мизм! Физм! Сизм! Тизм! Зизм! Бизм! Юзм!

Святой Макс, дай хоть ты один бакс!

Святой Макс, дай сто один бакс!

Святой Макс, дай сто двадцать один бакс!

На самом деле, писать целую книгу листовок – мерзко, занудно и халтурно. Поэтому мы отказались от этого вшивого «проекта» (грязное слово!) и решили нашу книгу тотально деконструировать (ещё один вербальный мерзавчик!). Мда! Особенно в этом смысле на нас повлиял английский пидор Момус – гений домашних растений, этакий циничный умник, лихой бабник, безусловный подкаблучник, охуительный сучник, немного отличник, чуть-чуть деревянноручник, отчасти двурушник, а в целом - приличный певец, охренительный музыкант, на каждом яйце – бант и Иммануил Кант, он у нас каждой своей песней слезу вышибает. И всё бает! Бает! Собственно, он нас и надоумил, что «революция» - это (сегодня) языковая поллюция. **Вот уж дильдо ему в жопу!**

И ЕЩЁ ДВА СЛОВА ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Поймите же, наконец, рыхлые ничтожества: наше предприятие есть не что иное, как объявление войны. Иду на вы! ИДУ НА ВЫ!!! Вам, вам, убогие души, на воде и на суше. **Объявляем войну!!!** Сирены, гудите! Уды, удите! Девственные сосцы, дрожите! Клиторы, вставайте и летите! Вам, вам, ничтожества, спозаранку объявляем войну, дорогие убожества. **Хуем по рылу ударим с тылу!** Раз-два-три! Пли! При! Объявляем войну антилопам гну! И заодно всей постыло-унылой, занудно-паскудной, негодно-погодной сократически-невротической конформистской рассудочности, как говорил светящийся тополь Фридрих Ницше. Фридрих! Фридрих! Ура! Ура! Муравьед! Муравьед! Говновая руда! М-да! М-да! Мзда! Бзда!!! И ещё раз, громче: ура! Ура!! Ура!!!

С этой минуты будем отдавать предпочтение исключительно словам военным. Плацдарм. Шарм. Пушка. Душка. Шмон. Погон. Эскадрон. Бархатистый, как попка, шеврон. Воплотим в жизнь гераклитовскую философеу распри. Аспри! Аспри! Примем её, как советовал Антихрист, за норму существования. Ранее! Ранее! Ранее! Говномания! Софтомания! Клептомания!

Да-с: не *artis poeticae*, но *artis militaris*.

У-у-у-ууууу... У нас, видите ли, почти инстинктивная реакция на идеологизацию и банализацию всего и вся, особенно искусства и политики. Хрым-хрым... Слышишь, Иванов! Слышишь, Проханов! Слышишь, порционный борщ Дугин! Ненавидим!!! Не-на-ви-дим! Вас, упыри, ненавидим! Вас, хозяйчики, ненавидим! Тебя, профессор Смирнов, ненавидим! Тебя, министр Швыдкой, ненавидим! Тебя, художник Сысой, ненавидим! Всё, что видим – ненавидим!!! **Всё, что видим – ненавидим!** Всех упырей-москалей ненавидим!!!

Каааааааааатись, колбаса!!!!

Ибо когда истина вступит в борьбу с ложью тысячелетий (а-а-а!), тогда у вас, козявки-негодявки, будут такие сотрясения, такие судороги, такие, чёрт возьми, землетрясения и перемещения гор и долин, о каких никогда ещё не грезили ваши желваки на щеках, ублюдки. Мазин и Туркина – Подмазин и Жмуркина! Да, да: все формы власти старого общества (и вы вместе с ними) взлетят в воздух. Слышишь, Изя Шамир, дурачина! Слышишь?! Жребий брошен! Жребий кинут! Слышишь, Гольдштейн-склеротик?! Слышишь?

Итак, поехали! Мук! Мук! Мук! Слово за артиллерией!!! Мук! Мук! Мук!

ГОВОРИТЕ И ДУМАЙТЕ О РЕВОЛЮЦИИ!

Шмакодявки! Если говорить о революции кажется вам смехотворным, то это лишь потому, что вы полностью разрушены мракобесием путинского режима. Вам промыли мозги! Вы предали самих себя! Вы отказались от поэзии! Но радикальное изменение мира необходимо!!! Всё остальное, кроме мысли о революции, убийственно и смехотворно! **Шмакодявки!** Долой позорное примирение с существующим порядком! Долой прозябание! Скажем навуходоносорам: к чёрту! Крикнем упырям: катитесь! Восстановим сердцебиение Истории с воплем: жив!!! Шлёпнем себя по жопе: не сучились!!! Вот так! Вот так!

Шмакодявки! Если слово «революция» опошляется сегодня в рекламе и дискредитируется средствами массовой информации, если оно заплёвывается правыми и националистами, если Чубайс с Немцовым спускают его вместе с собственным дерьмом в сортирную дыру, то лишь потому, что все мы потеряли иммунитет к свинству! **Шмакодявки!** Население этой страны совершенно деморализовано и ввергнуто в чудовищное невежество! Власть фээсбэшников, олигархов, чиновников и дешёвых писак обвиняет революционный проект в жестокости, несостоятельности и отсутствии позитивного результата. Посмешище! Ложь! Помните: революции были разные. Была не только Октябрьская революция, закончившаяся в сталинских лагерях и правлением партийных бюрократов! Была ещё и Парижская Коммуна! Был великолепный Кронштадтский Совет! Была восставшая Барселона, был 68-й год, была Сапатистская революция... Были ещё НЕИЗВЕСТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ!!! Существовали и существуют революции в ежедневной жизни!!! **Шмакодявки!** Знайте об этом и помните! Достижения и жизненность революций не определяются успешным захватом государственной власти и тем более масштабом кровопролития! Нынешнее охаивание революции свидетельствует лишь о временной победе черносотенной реакции, а также о гибкости и изощрённости международного капитализма, ополчившегося против революционной солидарности тех, кто ещё способен критически мыслить и свободно действовать. Не верьте лжецам!

Шмакодявки! О, шмакодявки!!!

Шмакодявки! Думайте и говорите о революции! Она должна быть заново изобретена и пущена в действие! Она должна родиться в экспериментах современной политической теории и практики! Она должна

соответствовать нынешней ситуации! Революция – это не догма и не формула. Революция – это не приказ и не спектакль. Революция – это творческое преобразование мира и своей собственной судьбы каждым и каждой из нас! НАЧИНАЙТЕ ДУМАТЬ О РЕВОЛЮЦИИ!!!!

ТОЛЬКО НЕ ДУМАЙТЕ!

Только не думайте, что это всё шутки, редакторы! Только не думайте, что всё это утки, читатели! Только не думайте, что всё это байки, издатели! Нет, нет, нет, нет! Скорее уж, это вы – жмурики! Скорее уж, это вы – бабурики! Скорее уж, это вы – ебанурики! Кастет вам! Стиллет! Пистолет! Да уж, точно: мазурики! Исхалтурившиеся дурики! Буфетные чмурики! Пуританские пьюрики! Типографский паштет! Да уж, точно: ЖМУРИКИ!!! ЖМУРИКИ!!! ЖМУРИКИ! Вред и жред!

Нужна страшная сила воли, нужна любовь к голи, нужна спесь, умная дресь, нужно сильное желание плыть против течения, нужно могучее творческое охуение, чтобы сказать вам «нет». Вы все испохабились, Пушкин-свет!

ВЫ ВСЕ ИСПОГАНИЛИСЬ, ХОЛИН-СВЕТ!!!

Вы все исхалтурились, бля буду, пустоцвет!

Вред и жрет!!!

Как же с вами разговаривать?! Как базарить-гуторить? Как ругаться и вздорить? КАК СПОРИТЬ?! А никак, невозможно сие, нет! Слово ведь изобретено было как шёпот, а не ледовый балет! Слово изобретено было душами вдумчивыми-умчивыми и для душ деликатных-неватных, чувствительных, отзывчивых, впечатлительных, способных к сопереживанию, умиранию и углублению, а также и к гордости, к твёрдости, к самостоятельности, к одинокому бдению... Вы же – лапти ресторанные! Черви наманикюренные и окаянные!

Ну! Ну! Ну! Ну!

Гну! Гну! Гну! Гну!

Ебливые вымершие матросы-антилимоновцы, еврейские сгинувшие принцессы-антишароновцы, футбольные хулиганы-антифашисты, уличные ассенизаторы-карикатуристы, едкие и насмешливые персоны, усталые от фальшивых ласок матроны, чёрные сопротивленцы, белые переселенцы, рокеры-суффражисты, машинисты-имажинисты, путешественники-антитуристы, мексиканские рокамболи, старухи-поломойки, знакомые до хрустящей боли – вот кого мы любим и голубим, а вас, суки ёбаные, мы рубим!!!!!!!!!!

РУБИМ, ЖМУРИКИ! РУБИМ!!!!

Рубим и губим!

КОНЧИТЬ ТЕБЕ НА ЯЗЫК, КРЕМЛЁВСКАЯ ЖАБА

Что для поэзии значит: кончить тебе на язык, Вова? Идиот, параша!
Грязным ли сделать его или чистым, как рыбка – родник? Манная каша!
Мутными смыслами полнится твой сквернодышащий рот, бя, ебимот!
Верно ли, что через губы не размножается род? Файбисович, ты – жмот!

Из тапиоки компот! Дугина вялый живот! Гмот! Гмот!

Чувствую мессианическое, бурно кончая в него, жопа Вова. И-го-го!
Хуй - Иоанн Креститель, высказавшийся глубоко (молочко-молоко):
«Скоро кто-то побольше придёт сюда вслед за мной! Гей или гой!»
Зубы скрипят в смущении, лиловогогрудый герой! Могутин – взвой!

Сладостный яблочный гной! Всех олигархов – пилой! Иглой! Иглой!

Или всё это лишь шутка, словно твой сучий укус, Вованька-карапуз?
Спермой своей я рисую нищевский липнувший ус... Плюс-минус шмуз...
Или всё это лишь пицца: божья роса и мёд? Гнёт, сука, воловий гнёт!!!
Или ходы свои роет в глотке бунтующий крот? Санкюлот! Санкюлот!

Вперёд же, старый! На Путьку! На Путьку, бя буду! Вперёд!

Что для поэзии значит: кончить тебе на язык? А может, и на кадык?
Сперматозоиды смыслов в скользкое горло – прыг-прыг! Шмыг! Шмыг!
Нечто метафизическое зреет в желудке твоём? Вова, да ты водоём?!
Или звезда отрицания всходит таинственно в нём? Ём, ём – обосрём!!!

И ночью, и днём! Сталина – костылём! Ленина- костылём! Ом! Ом!

ОЙ, РУССКИЕ!

[illegible]

A-a-a-a-a-aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa!!!

A-A-A-AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!!!!

БРАТЬЯ И СЁСТРЫ!

Наши слова – жуки, которые прыгают вам за шиворот. Наши слова – бабочки, которые забрались в ваши анусы. Ой-ой-ой-ой! Наши слова – это макароны, через которые вы дышите и которые вы поедаете в то же самое время. Кислородные подушки, зажимы для матки!

Итак, наши слова к вам таковы: **мир – это война! Мир – это война!** Разумеете ли вы нас?

Сопrotивление войне в Ираке не может основываться на старых методах и отживших концептах прошлого. Антивоенное движение, которое не является мужественной попыткой свергнуть господствующий порядок целиком и полностью – ничто. Подумайте об этом! Прикиньте! Что такое, между прочим, мир? Конечно же: мир – это период спокойной подготовки к очередной войне. Война – это реализация мира. Таким образом, мир и война – это индустрия, сиамские близнецы, одна мегакорпорация! Свиноарник! Война и мир – это бизнес. Фитнес. Плавательный бассейн.

Мир – это говно пир. Война – это чаша говна.

Война войне! Война миру!

МИР ВОЙНЕ!!!

МИР ВОЙНЕ!!!

МИР ВОЙНЕ!!!

Peacekeeping is warmaking. *Peacekeeping is warmaking.* **Peacekeeping is warmaking.** Зарубите себе это на носу.

Может быть, вас убедит в нашей правоте статистика? Половина населения Земного шара живёт менее чем на два доллара в день.

Братья и сёстры!

Дорогие и обожаемые читатели!

Призыв против войны в Ираке не должен быть призывом к поддержке того порядка, который перманентно рождает угрозу войны. Призыв против войны не может быть призывом к сталинизму или мелкобуржуазному сектантству, фундаментализму или кулуарному интриганству. Справедливая борьба против мира и войны не может вестись с позиций бюрократии, сталищины, консервативной революции, политиканствующего эстетизма и прочей дребедени. Помните это! Вглядитесь в себя внимательней. Поймите себя. Кто вы? Мёртвая вода Мао? Расколотый костяной череп Троцкого? Ссохшийся в мавзолейной тиши Ленин? Чёрная запёкшаяся рубаха эсэсовца?

Выхлопные бриллиантовые газы Пол Пота? Старческая мошонка Брежнева? Луковая отрыжка Селина? Выпавшая кишка Андропова? Ночной кошмар Стивена Спилберга? Или вы свободные люди, решающие всё за себя? Люди, чёрт побери, люди, а не чьи-то липкие муди?

Мыслите же! Действуйте!

Не трусьте! Не пресмыкайтесь!

Расправьте спины!

Выпятите груди!

Ощутите сладкие травы под ногами!

ГАЛЕРЕЙНАЯ ПЕСЕНКА ДЛЯ УБЛЮДКА БАКШТЕЙНА

В галерее урчат пупки. А ты тут воняешь, пузатый гном.
В галерее ворчат лобки. А ты тут бубнишь с Мизиано вдвоём.
Их сосут чужие щенки. А ты тут пердишь, как раздувшийся сом.
А мои получают пинки. А ты тут смердишь, как загаженный ком.

*Почему же я не куратор?! Я бы вдул тебе ультра-пульсатор!
Я включил бы наш мульти-вибратор! Я бы вдел в тебя пульверизатор!*

В галерее висят чулки. А ты тут гниёшь, как в ушах чернозём.
В галерее стоят носки. А ты тут мутишь, как в кишках водоём.
Их жуют чужие хорьки. А ты тут стоишь, как бандитский лом.
А мои не лезут в силки. А ты тут течёшь, как казарменный бром.

*Приходи же скорее, куратор! Вдуем, вдуем ему трансфокатор!
Включим, включим наш ультра-локатор! Врубим пульверизатор!*

В галерее снуют мальки. А ты тут стоишь, как сталинский дом.
В галерее поют кулики. А ты тут лежишь, как Геббельса том.
Им внимают одни дураки. А ты тут торчишь ефрейторским сапогом.
Ну а я глотаю комки. А ты тут бурчишь омерзительным животом.

*Ну давай же, проклятый куратор! Вденем в анус ему культиватор!
В жопу ёбаную мульти-вибратор! В сраку вздыбленную пульверизатор!*

ЧТО МЫ, АВТОРЫ ЭТОЙ ЛИСТОВКИ, СЧИТАЕМ

Прежде всего мы считаем, что Земля должна остаться без Кремля и вообще без всех домов власти, без всех их обитателей, без всех господ и рабов. **Да, да, да!** Мы стремимся к максимально освобождающему усилию, которое откроет нам такое общество и такую жизнь, где нас не ограничат уже ни произвол властителей, ни закон экономического принуждения. Политзаключённые! Мы убеждены, что такое освобождение возможно лишь через адекватные революционные действия.

Ну что ж! Наша эпоха определяется тем, что тайные агенты уже стали революционерами, а революционеры – тайными агентами, что правые уже присвоили себе левое, а левые отдались правому, и что социальная революция повсеместно объявлена анахронизмом и преступлением. **Странно!** Давно уже люди не были столь послушными и трусливыми как сегодня, давно революционное воображение не было столь беспомощным и подавленным, давно уже инстинкт самосохранения не торжествовал так над чувством солидарности. **Смотрите!** Массы ныне пестуют своё угнетение, словно они борются за своё освобождение. Фашизм, суеверие, соглашательство – вот что написано на флагах сегодняшней толпы и её лидеров. **Печально!** В этих условиях нам предстоит сложная и затяжная битва на многих фронтах, одновременно маневренная и позиционная война, сражение как с явным врагом, так и с мнимыми единомышленниками. **Да-да!** Нам предстоит встретиться лицом к лицу не только с могущественной и откормленной армией капитала, но и с мёртвыми призраками вождей и учителей свободы. **Трепещите, сталинисты!** Мы сможем выйти из этой битвы победителями лишь в том случае, если наша организация, наша теоретическая программа и наш ежедневный праксис станут духовным пиром для наших товарищей, смертельным ядом для реакционеров всех мастей и костью в горле для оппортунистов и ревизионистов. **Смерть работоторговцам и их прислужникам!** Мы победим, если окажемся подлинно современными, если научимся черпать свою поэзию не столько из книжного шкафа истории, сколько из полузабытого прошлого восстаний и катакомб, но прежде всего из неизведанного будущего. **Точно! Несомненно!**

Итак, чёрные, белые, красные и жёлтые! Наше внимание сосредоточено на политическом действии, разоблачающем и уничтожающем угнетение здесь и сейчас, а также на создании нового

революционного языка, который станет оружием в этом действии и в долгой битве за освобождение. **Сюда, скорее же!** Мы презираем мёртвый жаргон нынешних бюрократов от революции не меньше, чем мы ненавидим убийственную демагогию правящей технократии. Мы не верим в гладкую коммуникацию, навязываемую нам реформистами. **Африканцы!** Нам омерзителен приблизительный язык нынешней культурной индустрии, как и опустошающий масс-медиаальный трép. **Дети окраин!** Наше слово и действие будет направлено не только против государства, неолиберализма, наёмного труда, расизма, сексизма, бытового фашизма и всех остальных форм угнетения, но и против тех диалектов, которые поддерживают всё это мракобесие. **Гватемальцы! Больно!**

Мы отдаём себе отчёт, что освобождение требует объединения всех людей, стремящихся к полной эмансипации. **Мачехи и падчерицы, внимание!** Но мы не доверяем тактическим блокам, основанным на исторической слепоте, этическом компромиссе, хищническом политиканстве или либеральном консенсусе. Мы сознаем, что освобождение невозможно в формах, которые копируют организацию и идеологию классового общества. **Нет, калифорнийские левые!** Но всё вокруг – тела, мысли и желания людей – пропитано паникой, отчуждением и миазмами господства. **Мрачно!** Поэтому, веря в абсолютную необходимость массовой революционной организации, мы отвергаем сегодня те союзы и объединения, которые носят архаизирующий или оппортунистический характер. **Бангладешцы!** Мы видим сейчас, как «левые» слипаются с правыми в пошлых и мёртвых ритуалах фальшивого сопротивления, и мы говорим этим ритуалам – «нет». Один сознательный революционный борец стоит больше, чем легион идеологизированных невежественных адептов. **Новорожденные! Не поддавайтесь жиру!** Лучше дисциплинированная, мобильная и критически мыслящая ячейка, чем бюрократизированная, недееспособная и трупоголовая партия. **Ацефалы!**

И ещё раз: социальная революция Двадцать Первого века не может стать самой собой, не отказавшись от всякого суеверного почитания старины. **Циклопы и нимфы!** Прежние революции нуждались в воспоминаниях о прошлом, чтобы заглушить в себе напоминание о своём собственном содержании. Революция Двадцать Первого века должна предоставить мертвецам хоронить своих мёртвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. **Лесные звери!** Сформулируем это содержание сейчас, в одной фразе: наша революция – это создание таких условий, в

которых люди смогут играть в собственные творческие игры, и перестанут участвовать в качестве статистов и марионеток в играх других. **Подонки!** В одуряющих и убивающих играх власти. **Гнусно! Грустно!**

Да здравствует социальная революция! **Страшно!!!**

Да здравствует всеобщее освобождение!

Кишка тонка! Но мы справимся с этим. **Быстро!!!**

ЭТО – НЕ ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЁБЫ

Прочитав предыдущую листовку четыре раза (не выпуская газа), мы поняли, что она – полная туфта. Фта! Фта! **Фуфло!** Подглазник мента! Кнопка-гнида зонта! Замок рта! **Задок рта!** Анальный глазок рта! Айда! Айда! Детки, а ну айда!!! Мда! Мда! И ещё раз – туфта, гангрена шрифта! По сравнению с чем? **Говна съем!** Днём съем, ночью съем, а вечером съём! Мы тебя, Путька, убьём! Не ружьём, так из психушки бельём! **Задушим, сука, ремнём!** Опять-таки с сивым говном! Со сперматозоидом-упырём! С мандрагорой-хряшом! С хрипящим, бля буду, штырём! **Ём!** Ёooooooooo!

Смотри: сплошной журнал «ОМ»!!! **Усравшийся гном!** Не только по сравнению с картинами Фриды Кало и страницами Антонена Арто, но и вообще лажа и гниlostный кал. Рто-рто и гна-гна. **Пей ссаки до дна!** Пей ссаки подонка Бакштейна и Мизиано – фригидного, бля, скопца! Ломца дрица-о-цаца! **Мокрая, бля, маца!** Сдирай засохшую малофью мерзавцев с засахаренного лица! Фта! Фта! Шта! Шта! Почему? Почему Гитлер? Почему туфта? **Почему гитлеровско-сталинская склерота?** Шта, шта! Хта! Потому что она написана на непротиворечивом языке кастрированного кота. Ке-ке! Палец в кишке! **Два пальца в кишке!** Три пальца в кишке! **Свиноматка в мешке!** Харчок в смешке! Два харчка в смешке! Три харчка в смешке! Так – квак, квак! - как написана эта листовка-глистовка - не говорил крокодил. И бегемот тоже так не говорил. **ТАК ГОВОРИЛ ГАМАДРИЛ!!!** Фашиствующий гамадрил! Гнил! Ныл! **По Нилу плыл!** Пока окончательно, сука, не сгнил! На непротиворечивом языке пишут только мраморные урны вроде Могутина и Масютина. Утина! Утина! **Утина Путина!** Был такой первый светский-советский космонавт – Масютин. А Могутин – это американский Масютин, то есть клон, фальшивый слон, скрытый Гапон, переписанный чекистами «Тихий Дон», чистый гон, жёлтый самогон, жестяной жетон, жёванный батон, понтовый угон, фон, да не барон, дешёвый шмон, фашистский поклон.

ШМОИ! ШМОИ!!!

Стон! Стон!! И ещё раз стон!!!

И ЕЩЁ РАЗ СТОИ!!!

И ЕЩЁ РАЗ СТОИ!!!

BOH, CYKA! BOH! BOH, CYKA, BOH!!!

ПРОТИВ НОРМАЛИЗАЦИИ

Вся эта книга, подлецы, направлена против нормализации. Против убийственной, всепожирающей, улюлюкающей нормализации в культуре. Вы творите её своими руками, Катя Дёготь и А. Иванов. Вы сволочь, Мамлеев, так что не отворачивайтесь. И вы, Битов. РАЗУМНАЯ ГЛЯНЦЕВАЯ СВОЛОЧЬ. МРАЗЬ. Нейрохирургия. Микрохирургия. Зверодемоны. Задние проходы. Не отмывайтесь – не отмahnётесь! Потому что история, бархатная рожа, скоро на руку. Всех вас пожрёт пасть безымянного войлочного пса. Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ыыыыы!

Мы вас обвиняем. Вас – Юрский, Литичевский, Дубосарский, Искандер, Битов, Пригов, Мессерер, Рейн, Распутин, Милена Орлова, Гельман, группа «Ленинград», труп Амосова, Боде, Селина, Тарасов, Киркоров, Осмоловский, Гейдар Джамаль, Гутов, Герман Лукомников (Бонифаций), Швыдкой, Кулик, Саляхова, Скидан, Проханов, Иванов, Могути́н, Левити́н, Бараннико́в, Рената Литвинова, Липскеров, Пётр Вайль, Андрей Герасимов, Андрей Кончаловски́й, Михалков-старши́й, Михалков-младши́й, Рудне́в, Мамоно́в, Петро́вская, Виноградо́в, Коле́ров, Кага́рлицки́й, Пу́гачёва, Ми́зиано, Лу́жков, Пепперште́йн, Татьяна Толста́я, Пи́ликин, Псой Короле́нко, Бе́ссудно́в, Мази́н, Мизи́н и та́ма прочи́х угре́й. Вы, вы все, и тысячи с ва́ми, - нищие سراки, какашки, сволочь, бляди, Фа́ддеи Булғарины, электроды тюрьмы, уби́йцы богоподобного Ницше, официа́льные антисе́миты, прислу́жки ехи́дны, холуи фа́ллической ортодоксии, творцы спинно-мого́вой сухотки, слуги хтони́ческих червей, сапоги Пу́тина, че́лядь кавказских ефрейторо́в. Вы так же дале́ки от чёрного блэсвета Аполло́на, как и от солне́чной ты́мы Диони́са. Разбитые капсулы сознания. Аутисты, поводиры сме́рти. Еди́нственное де́ло ва́ше: присоеди́ниться к струнам вселе́нских инструмен́тов, чтобы заглуша́ть их вибрирующе́е зву́ки. капита́листическое убоже́ство. Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-шыыыыыы!

Вы ныне слиплись с властью – в малофейный борщ, в сметану, в козюльку, в ком, в шмот, в сальную гору, в торт. Жирные ступни и жирные ступени, уводящие вниз. Вы же и пожираете сей торт, то есть вы – сами себя жрецы, людоеды, нелюдь, отрывка, бессознательная чернь, гонорей. Вы спиздили у Просвещения слово. И дело, и дело. Молния в руках и под ногами стекло. Да, рациональный язык более невозможен, вы украли его у Дидро, у мадам де Ментенон, у Адорно, у Лукача, у Томаса Манна, у Бриджит Бардо, у Ивлиана Во, у Эмиля Золя, у Анны Маньяни.

Некрохирургия. Зверороботы. Кровь лошадей. Двухвостые сперматозоиды Береники. Вы украли его и извратили, вы обесценили его, вы потопили его вместе с героем книги Фолкнера «Шум и ярость» в реке. В Миссисипи. Как, бишь, имя этого героя? Не помним, не знаем! Вы лишили нас памяти! Финиш! Финиш! А, ну да: Квентин. КВЕНТИН. Вы убили Квентина, и вы убили Эдгара По, и Саванну, и Лето, и вы убиваете всё. Вы – «мрачное прошлое этой планеты», как сказал Ревизоров-друг. Анализ более невозможен. Невозможен, Грибоедов. Да. Ш-ш-ш-ш-ш-ыыыыыы!

НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ С ШЕВАРДНАДЗЕ

Такеши Китано посвящается

На высокой горе хорошо твою попку ласкать, ёбаный зять.
И про чрево лиловое дикие речи шептать, гавноблядь.
Бочка крови живёт в удивительном теле твоём. Сука, убьём!
И сияет в нём точка пупка: тили-бом, тили-бом! Тили-бом!!!

**Ты, Голынка, - паскуднейший гном! Как Нетаниягу-шлём!
С Шеварднадзе вдвоём! Со Скиданом втроём! Вчетвером!**

На высокой горе хорошо твои груди беречь, злоебучая течь.
И ничком на колючие камешки лечь. Снечь, сдречь, смечь!!!
Всё нечисто вокруг. Я введу в тебя член, словно кал. Мангал.
Чтоб Клоссовски в раю улыбался и тихо кивал. Коралл! Ал!

**Ты, Мизиано, - жалкий шакал! В жиру яйца макал?!
Чтоб тебя Шеварднадзе носом ебал! В дрясло икал!**

Так давай же на ухо промолвим: гора высока. У-ка-ка! Икака!
Я свой палец вложу в ту дыру, что узка и липка. Уели жидка!
И в соку навернувшемся ты поскользнёшься с горырырыры,
Чтобы мёрзнуть в норе до поры, когда ночью вопят упыри.

**Путин, гнида, спускай жиры! Гры! Гры! Бры! Бры!
Кончай пировать с Шеварднадзе пиры! Мры! Мры! Мры!**

К ПОЛИТИЧЕСКИМ ГРУППАМ И ИХ ЛИДЕРАМ: КТО МЫ ТАКИЕ?

Внимание! Дубчек! Чёрные пантеры! **Лумумба!** Сапатисты! Джерри Рубин! Автономное действие!

Мы и вы, вы и мы сформировались внутри репрессивного классового общества, которое с неустанной силой воспроизводит отношения власти, неравенства и угнетения на всех социальных уровнях, а также всячески стимулирует групповые и персональные комплексы господства, лидерства, превосходства, конкурентности, высокомерия и ложного достоинства. Берлингуэр! Эти отношения и комплексы пронизывают не только официальные структуры и институты (семью, школу, армию, экономику, культуру, государство), но и так называемые альтернативные и «революционные» организации и группы. Вожди и координаторы, менеджеры и главари, профессиональные революционеры и закалённые «кадры» соревнуются с другими менеджерами и «кадрами» на телевизионных экранах и пакостных митингах во имя трудящихся и справедливости, демократии и народа, а на самом деле – во славу дешёвого спектакля и его мертвенных фетишей. **Гуго Чавес!** Ярмарка тщеславия раскинулась не только на громадных пространствах неолиберального супермаркета, но и в псевдореволюционном подполье. Пётр Рябов, дешёвка! Плоский и лживый конкурс на лучшую роль и за главную премию не сходит с мировых подмостков. Сандинисты, бя! В этом смысле, если будущее революции – это восхождение новых поп-героев и утверждение нового господства, то у революции нет будущего. Если очаги сопротивления продолжают своё существование как машины по производству самовлюблённых мерзавцев и неспособных на самокритику бонз, то их ждёт неминуемое и позорное поражение. Сикейрос, сука! Ещё хуже, если такие бонзы и мерзавцы придут к власти и начнут править от имени революционных идеалов. Фидель! **Малатеста!** Это будет всего лишь очередной морг. Rote Zora! Мама!

То, что стало победой для русских большевиков в 1917-м году, то, что стало триумфом для кубинского партизанского движения в 1959-м, то, что могло считаться успехом для военно-политических организаций в Африке, Азии и Латинской Америке 60-х и 70-х годов, когда там сражались национально-освободительные движения, для будущей революции окажется катастрофой. Бонапарт! **Прудон!** Недотыкомка! Мы уже видели, как эти победы приводили к провалам, скрытым под собственной

торжествующей маской. Всегда нерешённым оставался вопрос о роли людей, роли гражданского общества, роли народа. Робеспьер и компания! Навуходоносор! **Анубис!** Большинство из этих революций были борьбой между двумя яростными противниками. С одной стороны, репрессивная старая власть, которая штыками и подачками строила свою гегемонию и всё решала за людей сверху, и, с другой стороны, группа просветлённых революционеров, которые, обладая единственно верной догмой, хотели наставить страну на путь истинный, захватывали власть в свои руки и тоже сверху начинали решать всё за других. Симон Бар Косеба, Адис-Абеба! Таким именно образом оказались уничтожены подлинно революционные завоевания народа – Советы, самоорганизованные коммуны, творческие инициативы снизу, народная самооборона, цепочки социальной солидарности. **Оп-ля!**

Бешеные! Революция Двадцать Первого века не может повторить этих ошибок. Поэтому эта революция обязана учиться в первую очередь не у вождей и «авангардов», а у революционных масс. Мумия Абу-Джамаль! Мы все должны брать уроки у Парижской Коммуны, у Кронштадского Совета, у махновцев, у парижских студентов и рабочих 1968-го года, у чёрных пантер, у сапатистов, у демонстрантов Сиятла. Это, а не «авангарды», - будущее революции. **Лотта континуа!** Наркодилеры!

И более того, мы сами должны стать сейчас Коммуной, иными словами, начисто отказаться от логики управления и подчинения, от логики унижения и превосходства, и строить собственное существование на основе совершенно другой, истинно революционной культуры, связанной с понятиями солидарности, справедливости, равенства, бескорыстия, честности и искренности. Спартакосцы! **Кулебяки!** Эту культуру нужно открывать в пластах мировой истории, и создавать заново.

Бланки! Антонио Грамши! Супрематизм! В политическом плане это означает: отказаться от пошлой идеи захвата власти, будь то власть над страной, партией, социальной группой или индивидом. Строить Коммуну как растущее, набирающее мощь, расцветающее социальное тело, противостоящее и вытесняющее из пространства жизни дряхлое и гнилое тело Власти. Лишить это последнее жизненных соков, обескровить и обесилить его. **Ледяные вши!** Чака Зулу! Нубийцы! Сделать тело Власти недееспособным. Оставить его без всякого материала, без территории, без движения. То есть последовательно и целенаправленно лишать его всех средств, обеспечивающих его выживание. Народовольцы! Орангутанги! **Сунь Цзы!** Тогда Власть исчезнет, а Жизнь, Знание и Сила

будут принадлежать революционному сознательному народу – людям Коммуны, будущему Интернационалу. **Лесбиянки!** Это и есть наша революция, осуществлять которую необходимо здесь и сейчас, всё время, ежеминутно, везде, усилиями всех, всех, всех. Лошади Калигулы! Городские индейцы!

Наш лозунг: борьба с нищетой жизни вокруг нас, в нас самих и в наших товарищах! За Коммуну! Против Власти! Ку-Клукс-Клановцы!!! Женя! **Остроконечники!** Тля!

ПРЕКРАСНО И УЖАСНО

*Как прекрасно быть известным,
Полнокровным и успешным.
Как ужасно быть безвестным,
Сгорбленным и безутешным.*

Вот вам, гады, поэзия! Барачная школа! Дрянь! Шиш Брянский! Очередная муть! Инь и янь! Дурак босяк! Желвак бурсак! Изя Шамир – Жак Ширак! Всеволод Некрасов – мудака! Мак! Мак! Лихтенштейн-Рубинштейн – хомяк! Мак! Мак! Пригов – обделанный тюфяк! Вак! Вак! Смекаете, жлобье?! Наиздавали кружевное зассаное бельё? Как бы не так! Поэзия – это не смотр кулебяк! Поэзия – несъедобный фаршмак! Поэзия – щитовидный бардак! Вечности знак! Отравленный, окровавленный злак! Бак-бак! Шмяк-шмяк! ОГИ! Пирог! На тарелке – бульдожья мозги! Зги, зги! Не сожрёте нас, пиздюки! Ки-ки! А ну-ка: ки-ки-ри-ки!

А ну-ка, слушай, Куз(ь)мин-дурак! Поэзия – несъедобный фаршмак! Ещё раз: поэзия – несъедобный босяк! Бурсак, уёбок, бурсак-баурсак! Поэзия – мошоночный рак! Гульфик! Тубрик! Башка! Трик-трак! Тут самое главное слово – «квак-квак»! И ещё – «говно»! Го-вно! ГОВНО!!! Вы – говно! И ещё: вы – нормализованное «полнокровие», канареечье толокно! Сорочье говно! Воронье шмонье! Дерьмо! Дерьмо! Современное слово – «мразь»! Говно готово, «НЛО», залазь!

Вся Русь теперь такая полнокровная баба-куль! Мак! Мак! Мак! Мак! Гуль! Гуль! Гуль! Я бы даже сказал: падаль обеденная – полнокровная саранча! Мак! Мак! Мак! Мак! Гуль! Гуль! Гуль! Ча! Ча! Ча! Ча! Голубцы мои, блядь! Стерлядь, хрен! Введём хуй в дочку-мать! Я бы сказал: уть-уть-уть-уть, уть-уть-уть-уть полно-полно-полно-полно-полнокровная жмуть! Мак! Мак! Квак-квак! Я бы ваше полнокровие справил глистам на чердак! Бяк! Бяк! Рак! Рак! ВГИК! Гвак! Но это не важно! Говнецо! Сие не важно! Под пальтецо! Скажем отважно: главное, что вы всё ещё думаете о «прекрасном», фройляйн Салахова!

ПРОСВЕЩЕНИЕ ДЛЯ НАЗАРБАЕВА

В дорогом восемнадцатом веке
Разгорелся пожар в человеке.
Каждый делал, что он хотел:
Испражнялся, сношался и бздел.
Секс был вроде рукопожатья,
А софия - как кекс или платье.

(Ты мне за всё это заплатишь, сука Назарбаев!)

Ныне всё, к сожалению, не так.
Всюду СПИД, инфлюэнца и рак.
Дорогая, скажи мне, скажи -
Только честно, без фальши и лжи:
Если буду я в коме лежать,
Ты не станешь меня обижать?

(И не лги мне, не лги, подлец Кучма, мой сын!)

Ты, любимая, будешь ли тут,
Когда почкам придёт капут?
Когда с дома сорвётся кирпич
Или хватит меня паралич?
Будешь, бэби? Скажи мне, скажи!
Только честно, без фальши и лжи...

(Ты мне за всё это ответишь, сука Жириновский! Фигляр!)

В восемнадцатом славном столетии
Все мечтали о совершеннолети
Человека и человечества -
И дворян, и крестьян, и купечества!
Рассуждали философы так:
Просветится последний дурак!

(И не лги мне, не лги, мулявинский труп! Аввакумов сруб!)

Ныне всё, к сожалению, не так:
Только мявкни – получишь в пятак!
Дорогая, скажи мне, скажи –
Только честно, без фальши и лжи:
Если кто-то ножом меня – вжик!,
Ты не бросишь меня в тот же миг?

(Гнида Акунин, к ноге! К колену волосатому!)

Ты, любимая, будешь ли тут,
Если вдруг обессилит мой уд?
Если хватит меня удар
Или просто приснится кошмар?
Будешь, бэби? Скажи мне, скажи!
Только честно, без фальши и лжи!

(Умри, умри, лилипут-жмот Ерофеев!)

Прошепчи мне на ухо секрет:
Как спастись нам от тысячи бед?
Как избавиться от нищеты,
Власти, старости и пустоты?
Просвети же меня, милый друг:
Почему всё так страшно вокруг?

(Падло-падло-падло Чаушеску, в жопу!)

ЖИТЕЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА!

Динь-динь-динь! Инь-янь! Янь-инь! Пора просыпаться! Хватить сношаться! Лучше ебаться! Всё время ебаться! Бессчётно ебаться! Бессменно ебаться! Нетленно ебаться!!!

Пора, наконец, протереть глаза, ёбаная стрекоза! Дави образа! Не будь егоза! Гроза!!! Гроза!!! А ну, придите в себя, телеса, и осознайте, что «300-летие Санкт-Петербурга» – в пизду езда!!! А, бля, проказник?! Праздничек-праздник? Чей же то праздник? Ебаздник! Не ваш праздник! Не наш праздник! Праздник банкетных свиней и бультерьеров нынешней власти? Да! Праздник мафиозного жира? Ещё бы! Праздник раздувшихся переполненных кишок? Конечно! Но при чём тут вы? Гвы! Гвы! Гвы! Гвы! Вы - нищее население грязного и ветхого города, запутавшегося в своих названиях-прободаниях... Вы – лихорадочная, трясущаяся в своей жалкой обуви толпа-колпа, зачарованно глядящая на паскудные витрины и издевательские афиши-шиши-машиши... Вы – депрессивная масса, занятая тяжким выживанием-гаданием и топотанием и недоверчиво вглядывающаяся в грозное будущее-ущее-мущее-кущее-дущее... Вы – угрюмое сообщество одиночеств, скопление напуганных друг другом атомов, разбежавшаяся по полу ртуть... Вуть! Вуть! Куть! Узнаёте себя? Да, вы таковы! Так для чего вам фальшивые юбилеи и круглые даты? Для чего? Для чего? Для чего? Они предназначены для того, чтобы отвлечь вас от невероятной бедности, беспросветного труда и чудовищной скуки вашей повседневной жизни! Твари, хватит слушаться!!! Хватит сношаться! Пора сублимироваться и ебаться! Пора освобождаться! Они придуманы продажными идеологами и бездарными «поэтами», обслуживающими ваше правительство, чтобы очаровать и обмануть вас! Квас, квас и ещё раз квас! Да-с, да-с, да-с! Это правительство пытается надуть вас, одурманить, одурачить! Это правительство пытается надуть вас, одурманить, одурачить! А ну! А ну! А ну! А ну, просыпайтесь!

Скореееееееееее!!!

Строительные леса на Невском и рекламные полотнища тщатся скрыть лишь одно: этот город – труп, в котором пируют могильные черви. Мру! Мру! Мру! Эти гады – бюрократы и чиновники, дельцы и бандиты, трусливая культурная элита и иностранные инвесторы. Могильные черви! Гады! Мразы! Кукиши! Они перекинулись уже на живых! Лих Сатана, лих! Они заедают нас всех! Подними веки, век! Гляди, человек! Чек! Чек! Чек! В этом городе, как и

во всей стране, попираются важнейшие человеческие права: право на здоровье, право на знание, право на солидарность, право на критику! В политику! В политику, бля, в политику! Право на достойную жизнь превращено стараниями этих червей в зелёный плевок на новенькой мостовой! Караул! Ссссс! Постой, постовой! Пссссс!

Хватит же!!! Хватит!!!

Здесь, в «столице русской культуры», в петровском «окне, прорубленном в Европу», в «северной Венеции», вы можете в самом прямом и безжалостном виде наблюдать процесс обратного превращения человека в обезьяну. Ась! Ась! Ась! Ась! Здесь систематически, изо дня в день «сильные мира сего» обворовывают своих сограждан! Здесь спаивают народ! Здесь его натравливают на «иностранцев»! Здесь его держат за быдло! Здесь его давят, как докуренную сигарету!!! Здесь народ – урод!

Хватит же! Проснитесь! Выйдите на улицы не за покупками, а в поисках утраченного достоинства! Разбейте пошлые витрины своих одиночеств! Практикуйте гражданское неповиновение! Ась! Ась! Ась! Ась! Не стойте плечом к плечу со своими угнетателями на лживом празднике «300-летия»! Почувствуйте солидарность объединённых в своём протесте людей! Осознайте своё место в восстании! Ась? Ась? Ась? Ась?

Верните себе город!

МОЛОДЁЖЬ, ТЫ – ЛОЖЬ

Есть такое понятие – молодёжь. Это предрассудок и хитрая ложь. Его придумали папы и мамы, чтобы сделать своих детишек покладистыми пирогами. Милые пирожки – прыг-прыг в рот. Вот и доволен папин-мамин живот. Гл-гл-гл-гл-гл. Переваривается.

Помните такого человека – Гитлер-фашист? Он был папа и мама для своих пасынков и падчериц, он был идеальный артист. Он обучал молодёжь великому эстетическому послушанию, а заодно и мрачному гробокопанию. Детишки смотрели в его разинутый рот и – прыг-прыг! – скакали в подземный живот. Это была примитивная процедура, но ей была рады сын-дурачок и доченька-дура. Гл-гл-гл-гл-гл. Перевариваются.

Сейчас гитлеровская Германия спит. Но папенька-маменька по-прежнему бдит. Папенька-маменька выращивает послушную молодёжь. Папенька-маменька покрикивает ей: а ну, даёшь! И молодёжь делает пушки, пуговицы, сыр, стаканы... Какие покладистые девочки и мальчуганы! Гл-гл-гл-гл-гл. Перевариваются.

Молодёжь, молодёжь, тебе нравится спать? Ну, молодёжь, ты и сонная блядь! Тебе не семнадцать, а пятьдесят восемь лет. Твои бабушка-дедушка хотят тебя на обед. И ты опять послушно - прыг! - прыгаешь в рот. Ты, молодёжь, – клинический идиот. Гл-гл-гл-гл-гл. Перевариваешься.

Эй!

Слушай, прохожий!
Ты почему, дурак, такой толстокожий?!
Ты же видишь, что в этом городе старики как отбросы!
Они клячат заплёванные бутылки и гнусные папиросы!
Торгуют укропом и попрошайничают на тротуаре!
А ты, ублюдок, поедаеть арахис в соседнем баре?!
Старики вкалывали на государственных фабриках множество лет,
А теперь им не хватает на бездарный обед!

Alles, was besteht, ist wert, dass es zugrunde geht.

Тут, кретин, не обойдёшься одним состраданием.
Тут нужно руководствоваться критическим революционным знанием!
В этой стране приключилось тотальное ограбление:
Ограблено до подштаников всё трудящееся население!
Грабитель – официальная хунта дельцов, бюрократов, ментов!
Путинское государство – вот банда самых умелых воров.
Где же, прохожий, твоё политическое воображение?
Закипает ли у тебя под скальпом гражданское неповиновение?

Alles, was besteht, ist wert, dass es zugrunde geht.

Вставай! Взбунтуйся! Восстань!
Выкинь скорей на помойку державную дрянь!
Только Коммуна поднимет тебя с карачек, дружок!
Воспитывай своё революционное желание, умственный гоннокок!
Старикам можно помочь, но не подавая им три рубля,
А вернув им достойное место на шаре по кличке Земля.
Это сделают эмансипация и революция!
А вся остальная идеология – мракобесная или куцая!

Alles, was besteht, ist wert, dass es zugrunde geht.

Я МАСТУРБИРУЮ В ОКНО

**Я мастурбирую в окно!
Я мастурбирую везде!
Я мастурбирую в говно!
Я мастурбирую в пизде!**

Пусть ёбнется румынский дог,
Пусть ёбнется японский бог!
Пусть ёбнется бараний рог,
Пусть ёбнется миланский смог!

**Я мастурбирую в окно!
Я мастурбирую везде!
Я мастурбирую в кино!
Я мастурбирую в воде!**

Да згинется китайский мат,
Да згинется берлинский блат!
Да згинется сиамский брат,
Да згинется чилийский смрад!

**Я мастурбирую в окно!
Я мастурбирую везде!
Я мастурбирую на дно!
Я мастурбирую в беде!**

Пусть ёбнется ливийский люд,
Пусть ёбнется лиловый спрут!
Пусть ёбнется индийский зуд,
Пусть ёбнется ливанский блуд!

**Я мастурбирую в окно!
Я мастурбирую везде!
Я мастурбирую в вино!
Я мастурбирую в бидэ!**

ВСЕ – В НЕГАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ!

Что такое Негативный Университет? Или Антиуниверситет? Слышали когда-нибудь? Если нет – слушайте! Гидроцефалы! Аааааа!!!!

В свободном и независимом Негативном Университите мы, антиавторитарные самоорганизованные мастера без подмастерьев, разрушаем убудочные понятия «студент», «преподаватель», «учёба», чтобы восстановить подлинное значение САМООБРАЗОВАНИЯ И КРИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ!!! Уууууууууууууууу!!!! Что означает настоящая учёба? Радикальный пересмотр традиционных форм передачи знания с позиций эмансипированного и политизированного метода! Уууууууууууууууу!!!! Кто такой подлинный студент? Тот, кто аналитически постигает и практически преодолевает властные отношения, пронизывающие институты образования и процессы учёбы! Аaaaaaaa!!!! Кто такой честный преподаватель? Тот, кто со смехом срывает с себя личину «знатока» и ищет истину здесь и сейчас, в конкретной и неформальной ситуации. Чи! Чи! Чи! Чи! Чи! Распространение знания должно революционизироваться!!! Аaaaaaaааа! Мы - носители умного и весёлого неповиновения всем мёртвым и фальшивым формам «экспертизы», «знаточества» и «профессионализма». Уууууууууууууууууууууууу!!!! Долой отчуждённое специализированное учительство и ученичество! Долой тупую институциональную машинерию!!! Аaaaaaaaaaaaaaааааа!!!! Студенты из пассивных потребителей идеологизированного знания должны превратиться в критических инвентаризаторов своего сознания, а также в разрушителей всех и всяческих идеологий! Да здравствует Антиуниверситет!!!!!!!!!!!!!! Уууууууууууу!

Негативный Университет – это лаборатория, открытая для всех, кто сомневается в доминирующих формах трансляции информации. Мы не даём дипломов и учёных степеней. Иииииии!!! Мы даём теоретические и практические инструменты, необходимые для современной политической и культурной борьбы! Чааааааааааааааа!!!! Мы не даём выхолощенную и приглаженную «информацию». Ууууууууууу! Дудки! Не развешивайте, идиотики, губы! МЫ ВОВЛЕКАЕМ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКУЮ ВОЙНУ!!! Бей в барабан и не бойся беды!!!! Уууууууууууууу!!! Мы проблематизируем, а не выписываем рецепты! Уууууу!!!! Мы понимаем знание как творческий спор, как столкновение мировоззренческих позиций, как становление. Иииииииии!!! Знание необходимо людям не для того, чтобы они пассивно и

послушно обслуживали нынешних «хозяев жизни», а для того, чтобы они осознали своё место в сетях власти и активно включились в борьбу за собственную свободу и всеобщую эмансипацию! Rrrrrr!!!!
Aaaaaaаааааааааааа!!! ВПЕРЁД – В НЕГАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ!
Уууууууууууууууу!!! Организуйте ячейки политизированного самообразования! В обществе, систематически разрушающем структуры умного обучения, становитесь просвещёнными автодидактами! Aaaaaaаааааааааааа!!!!
Тарапунька и штепсель!

ПУБЛИКА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ!

Как ты себя чувствуешь? Юрко?! Смазала мазью от целлулита ляжки? Сытно?! Прооперировала жир на боках? Плотно?! И отчего этот мерседес так пахнет менопаузой? Зябко?! Знаешь этот запах преждевременной старости и недееспособности? Страшно?!

Вон там Кремль, рубиновые звёзды! Видишь? А вот бриллиантовый новенький браслет на бессильном запястье чувырлы. Чуешь?! А как тебе этот жлобский платиновый перстень на убогом вышибале? Мощно?! Читали, что Энди Уорхол выбрасывал свои трусики после первой же носки? Клёво?! То есть ни разу не прибегал к стирке! Круто!

Не думайте, что вы будете жить вечно. Враки! Могила с червяками и чужой волоснёй рядом! Ясно? Прямо за стоянкой этого шикарного автомобиля. Мило?! Перекреститесь же, как велит Патриарх Всея Руси Алексей – кадилом в ряху! Гнусно? А теперь лягте ничком на этот слякотный асфальт! Хряпко?!

А ну, поползите на мягком брюхе до Иерусалима, как Марфа или пьяный обоссавшийся Мефодий! Чудно?! А ну, оскопите себя швейцарским перочинным ножичком, чтоб пупок обагрился фонтаном! Свято?! А ну, исполосуйте себе ягодицы старыми барскими щипцами для орехов! Знойно?! А ну купите в антиквариате чугунную статуэтку и выбейте себе передние зубы! Слабо?! Жлобы и макаки, хватит гнобить мостовую! Проваливайте отсюда в рай на хуй! В рай на хуй! В рай на хуй! В рай на хуй! В рай на хуй! В рай на хуй!

Кулебяки! Быстро в глотку! Вот красotka! Вся в чесотке! Ну-как в водку! В мультку Ротко! Ёдко! Ёдко! ЁДКО! ЁДКО! ЁДКО! ЁДКО! Жмотко! Жмотко! Жмотко-жмотко! ЖМОТКО!!!!!!!!!!

ЧЕСТНО ГОВОРЯ

Честно говоря, нельзя выразить рационально и последовательно всё наше негодование и презрение к местным – российским – претендентам на независимость, нонконформизм, левую контркультуру, бунт и прочую бодягу. Кагарлицкий? Карьерист. Ушлый журналист. Интеллигентский симуляционист. Будрайтскис? Карьерист, вялая жопа и жалкий ревизионист. Какой вообще к чёрту троцкизм после ситуационистов и автономов?! Только дураки и хамы не учитывают критику и историческую дискуссию. Следовательно, Илья Будрайтскис – сволочь, дурак и хам. «Радикальные» художники типа Осмоловского и Гутова? Типы, сами себя не понимающие, а заодно и всем остальным врущие. А врать, как сказал император Нерон, – мерзко. Кто там ещё? Философ Чубарооооооооооооооооо? По первому впечатлению слабак и пруссак (в смысле - таракан). По второму впечатлению – грязный стакан. По третьему впечатлению - гнусный врун и поганнейший интриган... Бородатенькое уёбище, неразумное создание, приспособленец... Как водится, мелкий ловец наживы... Трепач... Не левый, а хрен переспелый, ищущий к какой бы падле присосаться... Зомби, плотти, вялая слива в ублюдском компоте... Ну и так далее. Издатель Иванов, писатель Проханов, ваятель Березовский... Суки! Суки дешёвые, унылые, извивавшиеся! И все они – вместе, вместе, как волосы в тесте! Вот! Все спутались друг с другом, правые и левые сидят, болтают, друг дружку под столом за жирные и тощие ляжки трогают, подмигивают, вопят, выпивают, якшаются. Стыдно! Стыдно, чёрт возьми, на это глядеть! Это ведь называется – свальный грех. Эх! ЭХ! И не как в порнографических (милых нашему сердцу) журналах, а как динамика капитализма велит. Это же просто некрополь! Ни один уважающий себя левый такого себе не позволит. Страшная хуйня эти люди! Просто зеркально-нефтяной мираж! Оспа! Да! Точно! Оспа! Ведь это невыносимо! Нужно говорить этому «нет». Нет. Всё время говорить «нет». Пойми, молодняк, иного пути нет.

Нельзя дать этой тусовке ничего – ни языка, ни речи, ни жеста, ни улыбки. На них только нужно плевать. В самом буквальном смысле – постоянно при встрече плевать. Пфуй! Тьфу! Это, конечно, трудно в таком обществе, как нынешнее российское. Потому что здесь плевок – это привычка быдла, brutальных обитателей окраин, новейших хозяев жизни – ОМОНа. Тьфу! Тьфу! Плевать хорошо в Париже, Милане, а здесь это смешивается с Жириновским. Тьфу! Ну что ж, и ничего. Это ведь опять-

таки только дураки всё смешивают, ничего не различают, а умный человек различить сможет. Пфуй! Хрям! Так что плевать придётся исключительно для умных людей, сознающих, что к чему, знающих, как исторически развивались традиции. Тьфу! Тьфуй! Хря! Такой человек никогда не спутает харчки правых и плевки левых, потому что это - абсолютно разные вещи, и только такой непроходимый идиот, как Вадим Руднев, может это перепутать. Тьфу! Тьфу!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. ОСМОЛОВСКОМУ, ТРУПУ НОМЕР ПЯТЬ

Мы, кажется, встречались на вернисажах, не так ли? Вы совали нам вашу жирную вязкую лапу. Затем вы отворачивались от нас! Вот так! Что ж, это достойно мозгляка. Тем не менее, вы – раб. И вы это отлично знаете.

Ни одно из ваших произведений не стоит и домика улитки. Хрень! Вы, по обычаю своему, всегда высасывали молодняк, воровали у него идеи, а потом губили их на корню. Вы продавали эти идеи Мизиано, а уж он-то ни на что не годен, как использованный гондон. Вы ездили на зарубежные выставки. Вы жрали там ветчину. Она отравляла ваши и без того скудные мыслительные возможности. На одной из них мы встретили вас в халате, с бледными ляжками усталого мастурбатора, и это было столь карикатурно, столь вопиюще, что мы искренне пожалели вас, как выпавшего из гнезда птенца. Птенца Мизиано. Никогда ещё падаль Бодлера не выглядела так плачевно! Впрочем, вы к Бодлеру никакого отношения не имеете. Может быть, к Фадееву? К Эренбургу?

Следует сравнить вас с Момусом.

Вот уже более десяти лет над Европой и Америкой всходит и заходит солнце Момуса, а в Москве это светило до сих пор не замечено. В чём дело? Да в том, что здесь молятся либо до отрыжки популярным божкам, либо сугубо локальным тупорылым идолам, а Момус – ни то, ни другое. Его любят японские яппи-дизайнеры и сугубые маргиналы. Он, как и полагается современному хитрому истукану, – интеллектуальный, коварный и изворотливый пупсик, сладкий до тошноты и одновременно острый, как моча акулы. Он – нынешний синтетический Пьеро, приплясывающий с электрической пианолой на лондонской сцене и в американских музеях, вызывающий призраков Клауса Номи и юного Дэвида Боуи, а также некогда живенького, как сперматозоид, Бой Джорджа. И ещё умершего от пьянства Сержа Гинзбур. Весьма двусмысленно Момус объявил недавно о возвращении в культуру 80-х годов, то есть иронического и сытого времени, которое, как зелёная сортирная муха, легко свыклось с присутствием ультра-консервативных пауков типа Рейгана и Тэтчер. Любит ли Момус в действительности подоночные восьмидесятые? И да, и нет: он потешается над их ложным нигилизмом и вместе с тем упивается их ароматом слипшихся старческих гениталий. Номи выглядел на сцене как робот из театра кабуки, а пел одновременно как венецианский кастрат и прусский генерал. Боуи претендовал на статус перемастурбировавшей куклы-

андрогина. Момус ехидно и печально комментирует в своих песенках все эти музыкальные, а заодно и политические феномены. Он выбрал роль отстранённой, саркастической и перверсивной марионетки из итальянской Commedia dell'Arte и справляется с этой ролью, может быть, не так блестяще, как некогда Кокто, но всё-таки очень неплохо. Кстати, как и вышеназванный католик, Момус – не только музыкант, но и художник, и писатель. То есть весьма рафинированный, деликатный и вызывающий художественный фрукт, вроде хрена, скрещенного с клубникой. Этакий хреноклуб!

А вы, Осмоловский, - ничтожество...

Лирика Момуса обширна и многопланова. Прежде всего – это поп-поэзия, которая прекрасно создаёт свои границы и постоянно их преодолевает с помощью некой критической рефлексии. Момус и не скрывает, что хочет быть поп-фигурой в отличии, скажем, от рокера. «Рокеры brutальны и архаичны, они попросту контрреволюционны», - заявляет наш герой, - «зато поп имеет шанс совершенствоваться без конца». Момус пишет песенки обо всём: о теологических значениях минета, об «обществе спектакля», лицемерно возлюбившем оргазм доктора Райха, о вонючем успехе, без которого современный артист - ноль, о маоистском интеллектуале, при жизни боровшемся с музыкальной индустрией, а после смерти искренне затосковавшем о ней, о престарелом немецком профессоре, нанятом авиакомпанией «Люфтганза» специально для того, что нюхать трусики японских школьниц, о евреях-инопланетянах, заброшенных на Землю, чтобы обучить идиотов уму-разуму... Тексты Момуса заигрывают и с Вийоном, и с Брелем, и с балладами Брехта-Вайля, и с поэзией трубадуров, и с Эзрой Паундом, и с панком, над которым он, впрочем, неизменно потешается. «Панки – головастики, они обречены превращаться в жаб в грязном болоте рок-н-ролла!» Музыкально он тоже весьма прихотлив и не брезгует ничем: ни средневековым, ни барокко, ни разнообразными фольклоризмами, ни хип-хопом, ни попсой. И ни в коем случае не признаёт «живой» музыки! Только синтезатор! Момус называет свой стиль: «футуристический водевиль». В конечном счёте он – мясорубка, перемалывающая и свинину, и луковицы, и груши, и трюфеля...

Вопрос: является ли эта ироническая игра действительно критической позицией, на которую Момус явно претендует? Нет. Полноценная критика подразумевает два неперенных условия: постоянно возобновляемую негативную рефлексия, осуществляемую с тех или иных теоретических точек, плюс практическое разоблачение социального контекста, в котором

существует критикующий. Второе условие Момусом не соблюдается. Он функционирует как «галерейный» музыкант и «музицирующий» художник, то есть как вполне официальный и узаконенный эстетический агент современного «всеядного» артистического поля, что ещё отнюдь не является разоблачением контекста, а скорее самым настоящим конформизмом. Синтетический Пьеро не готов на прямой бунт. Скотина! Игрушечка! Падаль!

Осмоловский, а вы – жирная ленивая падаль в квадрате. Сосиска в булочке, халтурщик. Лицемерная припудренная опухоль, фурункул. Водяной матрац. Вместе с Куличком, с Гутовым, с Дубосарским и прочей швалью вы сделали местное искусство выдохшейся сладкой окрошкой, отрывкой Ханса-Ульриха Обриста и старого Сцеемана. Перезрелый вы прыщ, медленно трансформирующийся в жёлтую старую козявку гнойного угря. Вы, Толя-дешёвка, так никогда и не скумекали, что хороший художник должен давать хорошие прогрессивные вещи, а также радикально изменять контекст, прогрессивно менять его! Разоблачать! Взрывать! Улучшать! Не помыкать молодыми и не оглуплять их, как вы делаете с бывшими учениками Авдея, а образовывать их. ВЫ, ТОЛЯ, – ЖОПА! Да! Да! ЖОРА – ЖОПА! Это сказано не только про бесхребетника Литичевского, но и про вас – радужную вялую кочерыжку. ВЫ – ЖОПА! Немытая срака Толя!

Вы, кажется, пытаетесь замутить проектик с этой слабосильной, фальшивобородой чувихой Чубаровым? Упс-упс! Правильную компанию выбрали себе, Толик-обжорик. Слабак слабака видит издалека. Чубаров – типичный обмылок, плесень на окурке, половинка зелёного бакса.

Луна всходит и освещает вашу трусливую недееспособность. Солнце всходит и освещает ваше унылое депрессивное ничегонеделанье. А в сумерках вы массируете свою толстую саморазрушающуюся простату. Хорошенькое, чёрт возьми, времяпрепровождение! Как раз для услаждения куратора Нёвера! Над тобой хихикают маломощные Пети и Максы из сраной галереи «Франция». Ты, Осмоловский, - второй Бугаев Серёжа - тотальный кастрат и зомби. Есть ли у тебя, в таком случае, маленький шанец жить?

Шанец равен отметке zero.

Призываем на тебя космическую саранчу, матку всех муравьёв, пусть она тебя ебёт с восхода до заката, тогда, быть, создается мнимое впечатление, что ты ещё жив. Но это поистине *мнимое* ощущение. Ты - труп, труп, труп, и ничего с этим уже не поделаешь.

Basta!

ХЕЙ, МОВСАР!

Хей, Мовсар! Акбар! Ямбар! Веселей, Мовсар! Пей навар! Бвар! Звар! Чвар! Цвар!

Ещё одно усилие, Мовсар! Сто шварм! Иштвар! Ну, как там твоё блаженство, Мовсар?! Хвар? Чвар? Тварь? Обвар? Как твоё великомученичество, Мовсар!? Зивар! Зиинииинииивар!!!

Вечность в раю, Мовсар? Или лето в аду, Мовсар?! Много ли там гурий, Мовсар? Они прекрасны, Мовсар? Они служат тебе, как официанты, Мовсар? Они лбызают твои мёртвые пятки, Мовсар? Они ласкают твой холодный пах, Мовсар? Они издеваются над твоей увядшей мошонкой, Мовсар?!!! Они заставляют тебя пить французский поддельный коньяк, Мовсар!!! Иииииииииии!!! Они показывают тебя по телевизору, Мовсар????!!! Иииииииииии!!! Они смеются, Мовсар! Они глумятся над твоей дохлой плотью, Мовсар! Иииииииииииии!!! Они - непотребные ведьмы, Мовсар!!! Они хохочут: твоя критика была фальшивой, Мовсар! Ха-ха-ха! Иииииииииииии!!! Пораскинь мозгами, дурашка Мовсар! Пошевели тухлым членом, Мовсар! Иииииииииии!!! Критика обязана быть не членовредительской, но чуть-чуть более утончённой, Мовсар! Иииииииии!!! Ха-ха-ха, Мовсар! Террор – это дешёвый фурор, Мовсар! Иииииииииииииииииии!!! Террор – это error! Zzzzzzzzzzzzzzzzzzz!!! Рейхстаг горит, Мовсар!!! Иииииииииии!!! Рейхстаг всё ещё горит! Но его поджёг не ты, а жирный Геринг, Мовсар! Иииииииииии!!! Дурачок Мовсар! Иииии!!! Герой Мовсар! Иииииииии!!! Бедняга Мовсар! Хунвейбин Мовсар! Что тебе нашептал на ухо Геббельс, Мовсар? Иииии!!! Что тебе наплёл на ухо иранский шах, Мовсар? Что тебе, гордому шахиду, наболтал пороссячий хрен Путин, Мовсар?! Хрю-хрю-хрю, Мовсар! Хрю-хрю-хрю! Аллах акбар! Аллах керим! Полночь века, Мовсар!!! Полночь века!!! Иииииииииии!!!

Иии!!! Мру! Мру!!!

Эти слова написаны till called for – до востребования. Хей, хей, хей, Мовсар! Ты, Юля, и ты, Егор! Вы, которым гадов этот военно-промышленный спрут, Даша и Мохамед! Хей, Мовсар! Вы, Мовсар! Все, кому нестерпим этот милитаристски-торгашеский клуб, Мовсар! Хей, Владимир! Сюда, Михаил! Триколор этой державы яростен лишь на фоне мёртвых развалин Чечни! Ух, Мовсар, Иван, Удигей! Рвите в клочья сей мафиозно-холуйский флаг! Хей! Хей! Глядите! Им прикрывают изнасилованных младенцев этой бездарной страны, Руслан-кочегар. Хей! Смотрите и слушайте! Слабоумный шепот народа заглушает счастливая канонада ублюдков-правителей, Денис-

сталевар. Бум! Бум! Бум! Они топят в крови любой осмысленный бунт, Ильдар-самовар. Бум! Бум! Бум! Они превращают умный бунт в слабоумный, Агата-комиссар. Бум! Они душат любую критику, Мовсар-минибар. Бум! Они продают террор как водку, вместе с водкой, вместо водки, Мовсар! Дерьмо! Дерьмо!

Любое хозяйничанье внушает нам отвращение. Служащие, хозяева и работники – одинаковая мерзость. Рука на клавишах компьютера не лучше руки на «Калашникове». Какая, дерьмо, рукастая эпоха! Отбейте ей руки. И запретите набивать руку себе.

ТРУДЯЩИЕСЯ! МУДЯЩИЕСЯ!

Леопард умирает со своими пятнами-клятвами. Слон подышает со своими ушами-прыщами. А вы, трудящиеся, увы, – не львы! Не слоны! Слизь сыны! Вы! Вы! Вы! Увы!!!

Вы - подневольные работники и работницы мировой либерально-фашистской системы-гиены, мечтаете лечь в гроб с вашими фиолетовыми мозолями гиены, обвалившимися сосудами чёрной Сены-Сиены и заплесневевшими мозгами холуйской Вены? Измены! Всюду, бля буду, измены!

Или, или, или – простыли? Застыли? Изжили? С вашими залитыми «Балтикой» глазами косыми? С вашими замороженными коровьими языками немymi? С вашими забитыми хреновой ложью ушами тупыми? С вашими замурованными в бетон гениталиями пустыми? И с потеющими от неуверенности чреслами ебозлыми? Чушь! Куш! Жена и муж! Кака, сдюж!!!! Пляж и плюш!

Прекращайте объедаться радиоактивными отходами! Прекращайте злорадствовать над чужими невзгодами! Прекращайте на досуге смотреть нацистский канал НТВ! Хватит бессознательно поддакивать молельно-водочному концерну РПЦ! Лужков с вами! Труп Ельцина с вами! С говнюками! С нами, фальшивый боцман, с расплюснутыми мозгами! На верёвку его, дурак! Бардак! Бардак! Синяк!

Трудящиеся! Зудящиеся! Превращайте места своего подневольного труда в очаги, где дымится елда! Трансформируйте территории общественной спячки в места общественной качки и срачки! Объединяйтесь на своей работе против канючей еботы! Выёбывайтесь до кровавой рвоты или жёлтой икоты!!! Оккупируйте площадки экслуатации против самих эксплуататоров! Делайте самострелы из ржавых гнилых радиаторов! Стратегия такова: вырастить из своего ежедневного существования цветок возмутительного восстания, из своего механического труда – дворец из кроваво-блевотного льда, из своей фрустрации – феерически-огненные прокламации, а из своей импотенции – возмутительнейшие, ха-ха-ха-ха, невозможнейшие, ха-ха-ха-ха, максималистические, ха-ха-ха-ха, сентенции!!!

Левой! Левой! Левой! Левой!

На баррикады – за гологрудой роскошноу Девой!

Кончим в мозгах с девственной плевой!

Левой! Левой! Левой!

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Сегодняшний день – непотребный гнилой каземат!
В нём солнца не видно, в нём ужас, мычание и смрад.
В нём бомж копошится и пьяница сладко смердит.
А Путин, как прежде Распутин, глядит и кадит.

Инвалид! Инвалид!

Сегодняшний день – муха, брюхо, сума и тюрьма.
В ней визги и вопли подонков лишают ума.
Отрывки охранников, хрипы и храпы рабов...
И звук разбиваемых вдребезги мерзостных лбов!

Венозная кровь!

Сегодняшний день – бесконечный бубонный бордель!
В нём блудь-государство раздвинуло жидкую щель...
И вот уж спускает плешивый слюнявый клиент –
Паршивый кликушествующий интеллигент!

Тайный агент!

Сегодняшний день – не истории блещущий пик,
А вдавленный в горло народа фашистский кадык.
Скопление в морге отвратных безжизненных тел –
Омоновцев духа вонючий ночной беспредел.

Предел! Предел!

РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ!

Вы – не свободные трудящиеся, а прислуживающие! Вопрос: кому прислуживающие? Ответ: скопцам, клиторы в мутной воде выуживающим! Ходорковским и прочим хорькам! Это ли не позор? Срам! Срам!!!

Раз и навсегда: никто нигде никогда не должен работать так, как этого хотят боссы и их пылесосы! Или мы все будем раздеты и босы! Будем отравлены, как их нефтяные насосы! Превратимся в таких же, как они, хуесосов! Дисциплинарная работа – источник худших бед в этом мире. По слюням президента: топи его самого на хуй в клистире! Послушно работать на хозяев так же гнусно, как мочить человеческих существ в сортире. Сойдёмся в пире! Сойдёмся шире! Работать на бюрократов – скучно, унижительно и омерзительно. Работать в офисах и на фабриках абсолютно опустошительно! Работа на частных хозяев изнуряет, утомляет и отупляет. Работа на государство попросту убивает. Работа опасна для вашего здоровья! Да и вообще: люди вы или стадо коровье?!

Му-му-му-му! Не верь, человек, пастуху своему!

А теперь без рифм: сегодняшняя работа идёт на пользу только тем, кто контролирует нынешние средства производства, то есть транснациональному капиталу и прикрывающим его государственным институциям. Я тебя, ГАЗПРОМ, превращу в анальный лом. Прямо или косвенно любая работа поддерживает социальную дискриминацию и принуждение, полицейский беспредел и военно-промышленный террор. Кончайте, подонки, жор! Конец Европе! Позор! Бездарный глобальный рынок и отвратительное отчуждение, экологическое обнищание и идеологическое давление – ку-ку - сотрём в муку! Вы не должны работать! Хватит пердеть и ботать! Отаты! Отаты!!!

**А что после работы? Сон? Разума! Нищета? Воображенья!
Кишеньке? Чудовищ! Семья? Вурдалаков! Ничегонеделанье? Червяков!
Телевизор? Зомби! Автомобиль! Прострации! Видео! Проституции!
Интернет! Поллюции! Дача? Канализации! Шопинг?
Неоколониализации! Туризм! Самокастрации! Футбол? Деградации!
Адюльтер! Диспансеризации! Выпивка! Деполитизации! Party?
Полицеизации! Клуб?! Дуб!!! Юб! Муб! Жуууууууууууб!
Щуууууууууууп! Уп! Уп! Теперешний досуг – угнетённое и
бессмысленное восстановление растроченной на тупой службе
рабочей силы. Хватайте ножи и вилы!**

Противоположностью работы является не безделье или бандитизм, а разнообразные творческие и образовательные активности, направленные на преодоление социальной разобщённости и личной бессознательности. Ходорковский, вот пример! Да, чёрта-с-два: создание политической группы, критический семинар или систематический анализ собственного жизненного опыта, методологически-умное исследование городской среды или изучение техник сопротивления. Левый политический активизм! Писание и расклеивание листовок! Создание цепочек равенства с чеченцами-беженцами, рабочими-эмигрантами и анархистами! Придумывание других свободных активностей, исходя из критического знания! Ну же! Помысли, жлоб, собственную самореализацию и помоги своим товарищам! В лоб! **В лоб!**

ЗА САМООРГАНИЗОВАННЫЙ СИТУАЦИОНИСТСКИЙ КЛУБ

Успех Ельцина и Путина – лишь жалкий посторонний продукт
Триумфа мировой реакции. Московский ребёнок ест фрукт –
Банан. Этот город весь – банановая республика.
По его улицам ходит одинокая пьяная публика.

Дырка от бублика!

Нищий весь в блевотине, а страна – в тошнотворной лжи.
У жополизов власти языки длиннее, чем у бандитов - ножи.
И ещё, слышь?!
Слово «писатель» стало тождественно слову «шиш»!

Сволочь, кыш!

Где же трезвая солидарность? Где умная революционная речь?
В какой лабораторной печи нам сподручно её испечь?
В печи антиавторитарных самоорганизованных групп!
Долой все дискотеки! Даёшь подпольный ситуационистский клуб!

Вот мудрости зуб!

Кто будет решать здесь проблемы теории, организации и практики?
Кто будет читать Клаузевица и вникать в вопросы стратегии и тактики?
Ты!
(Ведь не технократические же черви и не бюрократические глисты!)

Депутаты, заткните рты!

А потом скорее на улицу -
Срывать с вывесок двухголовую курицу!
Но на этом не закончим проект:
На повестке дня всемирная революция, а не путч мелкотравчатых сект!

Таков проспект!

СУЧАРКИ, СУЧАРКИ!

for Louise Michel

Вы ведь не овчарки! Или вы овчарки? Неужто вы овчарки? Зачем вы тут на свалке? Зачем вы тут под аркой? Здесь мерзко и марко! Здесь тшятся огарки! И всюду помарки! И всюду здесь кварки, и всюду здесь чарки! Здесь свет такой неяркий! Здесь прислоняться сварко! Ох, добрые сучарки! Вам в вашей шерсти жарко? Нет, вам совсем не жарко! Вам зябко, а не жарко! Да, милые сучарки?! Вы вовсе не овчарки! Ах, злобные овчарки! Зрачки их крайне яркие! Сучарки, сучарки, у нас для вас подарки! Стихи - это подарки! Стихи эти – подарки!

Сучарки! Сучарки! Вы странствуете в парке, как в каторжной заварке! Всё время в зоопарке, всё время в зоопарке! Как в грязной кофеварке, как в мерзкой кофеварке! Вы все— в людской запарке. Или в пустыне. Вы все— в людской пустыне. Присно и ныне! Присно и ныне! В скуке и в сплине! У людей в витрине! В постыдной витрине! Хинин в нафталине! Весь нос в нафталине! И зуб в нафталине! Присно и ныне! Присно и ныне! Присно и ныне!

[illegible]

Сучарки, сучарки – вы вовсе не овчарки! На хуй овчарки! На хуй зульфарки! Товарки! Говнарки! Жбанки и жмарки! Вам не нужны овчарки, лидеры и гномы! Не правда ли, йомы? Не правда ли, звоны? Вы с ними, на хуй (в пизду), не знакомы! Идите вы, бляди, в ночные дурдомы! Идите вы, бляди, в дневные дурдомы! Ой! Ой! Ой! Ой! Вы же все, сучарки - феминистки-автономы! Гомы! Йомы! Фомы! Аломы! Паломы! Поломы! Синхрофазатроны! Ионы! Гапоны!

Не вы! Невы! Рубите швы!!!!

К чёрту! К чёрту! К чёрту! В морду! Иерархические бляди! Трупы в

засаде! Группы на параде! Трупы! Трупы! Кадровые трупы! Трубы! Трубы!
Труппы! Труппы! Сучарки – чао!!! Сучарки – чао!!! Пошлите на хуй всяких
Линь Бяо! Ао! Ао! Вы не холуйские чао-чао! И вы не чи-хуа-хуа! Слышите?!
Бля!!!! К чёрту расовые предрассудки! К чёрту полуночные побудки! К чёрту
рифмованные прибаутки! Жутко? Жутко! Жутко! Жмутко! Утко! Утко! Утко!

Гнутко!

Бля, незабудка!!!!!!

Бля, незабудка!!!!!!

Бля, незабудка!!!!!!

СТРЕЛЯЙ ПО ЧАСАМ!

Друг! Подруга! Жига! Жуга!

Помни исторический наказ – жми на мразь! На рыбий глаз! Зраз! Враз! Мраз! Жми на газ! Дикобраз! Ананас! Сей же час!

Помни одинокого путника Вальтера Бенъямина: всюду мина! Всюду мина! Стреляй по часам. Стреляй по часам! **Блям! Блям! Блям! Блям! Блям!**

Мы ли не забыли, как вы были? Мы ли не забыли? Нули! Вы ли?! Как жить в опасном и обваливающемся мыле? Бля буду – в иле! В жилойной жиле! В гниди! В хиле!

У! У! У! У! Почему?! Посему! Дму! Тму! Хотим коллективных поступков и решений? Да здравствует гжений! Гений! Гений жжёных гонений! Хотим песнопений! Могучих терпений! Жжжжж! Лишений! Свершений! Жжжжжжжж!!!

А вы? А вы? А вы? А вы? Вы - в мельтешащем беличем увы? **Се, се, се, се, се, се!** Колесе, колесе! Колесе-ебесе! **Се-се-се-се!** Ебесе!

Ce! Ce! Ce! Ce!

Мы ли не забыли, мы ли не заныли? Что? Что? Что? Что? Решето! Решето!!! Что? Что? Что история – хват?! Что мистория - это рискованное восхождение человеческого духа? Сестра и брат!!! Во, заваруха! Во, побируха! Во, оплеуха! И не ебануха? Хуха! Хуха! Муха! Глухо!

А не парадная дорога для президентского брюха? Хуха! Старуха! Старик и старуха! Мы ли не забыли, что жизнь – это мызнь, ух! Держи востро ухо! Это приключение, а не задрачение, это приключение, а не забрачение, это приключение, а не механическое переключение телевизионных каналов-задалбалов? А?

Поэтому: стрелять по часам! Немедленно. Стреляй по часам!

Друг! Подруга! Осознай, что нужно разрушить гладкий ход вещей, предписанный цифербладами тюремщиков и чиновников! Осознай, что конструирование собственного времени есть свойство несломленных людей. Часы, их цифры и их стрелки, вовлекающие нас в трусливый миропорядок хозяйничающих тараканов, должны слететь с башен и тумбочек планеты. Стреляй по часам! Стреляй по часам! Стреляй по часам!

Myyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyyy!

Начнём с кремлёвских курантов. **Бум! Бум! Бум!** Какой это мерзкий символ! **Бум! Бум! Бум!** Стреляй по часам! Стреляй по часам! Стреляй по часам! **Бум! Бум! Бум!** Стреляй по часам! Стреляй по часам! **Бум! Бум!**

Бум! Бум! Бум! Бум!

Ещё во время Июльской революции во Франции произошёл эпизод, когда неподчинение времени ярко проявилось в действиях восставших. Вечером первого дня борьбы выяснилось, что во многих местах Парижа независимо друг от друга и одновременно люди стреляли по башенным часам. Вот веселье! **Бум! Бум! Бум!** Вот веселье! **Бум! Бум! Бум!** Вот веселье! **Бум! Бум! Бум!** Вот веселье! **Бум! Бум! Бум!** Вот веселье! **Бум! Бум! Бум!** Вот веселье!

Стреляй по часам! Стреляй по часам! Стреляй по часам! Стреляй по часам! Стреляй по часам! **Бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум!**

КАК ЖЕ НАМ СЕЙЧАС БЫТЬ?

Да очень просто: отлепиться от теперешних «левых», погрязших в конформизме, отсталости, глупости, коллаборационизме или попросту спутавшихся с правыми, построить новую – антиавторитарную, радикально-демократическую организацию с собственной теорией и практикой, и начать наносить удары по противнику, и таким образом – начать жить. Именно для этого необходимо независимое критическое слово. Эта листовка, например. Она есть лабораторный творческий опыт самоорганизованной революционной группы. (И пусть эта группа состоит из четырёх, трёх или даже двух человек – для начала неважно.) Это критическое слово есть альтернатива и вызов средствам массовой информации, всем медиальным органам, которые парализуют сегодня мысль и действия людей. Наша речь, напротив, призвана мобилизовать политические действия нынешних угнетённых. Также благодаря словесной инициативе мы сможем связаться с другими группами и индивидами, чьё революционное желание жизненно, а теоретические поиски – современны. Анализ и агитация, творческая дистрибуция и дискуссии помогут нам построить организацию, о которой мы мечтаем. Словесное творчество – это первое условие разработки эмансипаторской теории и практики, важнейший момент в становлении революционного коллектива. Лижите пизду!

Да здравствует никем не санкционированное, непослушное, ушлое, душное, дикое, нежное, наглое, загорелое и свободно дистрибутируемое лево-радикальное слово! Братья и сёстры! Пишите и расклеивайте листовки! Зарубите себе на носу: ни в коем случае не нужно говорить, писать, танцевать и вести себя, как пижоны. Не нужно обивать пороги редакций и издательских домов. Ни за что! Ни в коем случае! Мы вас просим и умоляем! На колени становимся! Да-да-да! Чёрта с два! Не нужно печататься в «Амфоре», «Новом литературном обозрении», «Ad Marginem» и прочих коммерческих бутафорских лавках. Нужно сопротивляться! Нужно царапаться! Нужно захватить эти бордели и готовить там свои коктейли. Нужно разрушать эти притоны. Нужно обнажить свои гениталии перед богатыми издателями и продюсерами, чтобы они ужаснулись и передёрнулись. Нужно преодолевать и высмеивать пошлый диктат сальных пальцев, переворачивающих одурманенных девушек с боку на бок! Пишите и распространяйте листовки!

Aaaa!!!

ИДИОТЫ! ХВАТИТ ГОВОРИТЬ О ПОГОДЕ!!!

Всем! Всем! Всем идиотам! Икотам! Пешеходам! Народам! Уродам! Заводам! Фабрикам и изводам! У! У! У! У! Му! Му! Му! Му!

Немедленно кончайте говорить о погоде! Немедленно кончайте бздеть о погоде! Все! Все! Все идиоты! Еботы! Ебамоты! Бегемоты!

Ясно до икоты, что говорить о погоде – безопасно, комфортно и необременительно. Ясно до зевоты, что говорить о погоде симпатично и неумоительно. Ясно до рвоты, что говорить о погоде – это распространёнейшая социальная чума. Ясно до дремоты, что для болтовни о погоде не нужно абсолютно никакого ума! Ма! Ма! Ма! Ма! Бма! Бма! Бма! Бма!

Погода – этакая общая, псевдообъединяющая, неконфликтная материя. Погода – нескончаемая телевизионная мыльная гусиная серия! Она не вызывает конфликтов, противоречий, сомнений и столкновений. Она не вызывает озарений и потрясений. Можно о ней разговаривать со всеми до упора: с соседом, с мамой, с маклером, с врачом, с милиционером, с вором... У всех есть что сказать об этом предмете... Заткнитесь же, несостоявшиеся, недоведённые до дикости дети!!!

Нет! Нет! Нет погоде!

Нет и нет кэгэбэшной породе!

Хватит! Хватит! Хватит! Говорить о погоде – убого! Какая это сволочь, какая это изжога! И коли уж вас ещё раз спросят, бля, про погоду, не отвечайте ни слова этому, сука, уроду. Невзирая на все ритуалы, привычки, кавычки и моды!!! НЕСМОТРЯ НА ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ТРУДНОСТИ И НЕВЗГОДЫ!!!!

Нет! Нет! Нет погоде!

Нет и нет кэгэбэшной породе!

Хватит пиздеть об огородной неблагородной погоде! Думайте и действуйте, как будто вы находитесь в космическом огороде!

Нет! Нет! Нет погоде!

Нет и нет кэгэбэшной породе!

О БЕЗДАРНОСТИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Можно с уверенностью сказать, что после милиционера и попа, студент является самым презренным существом в России. Впрочем, презирают его чаще всего по ложным причинам, отражающим господствующую идеологию, в то время как истинные причины, по которым он с революционной точки зрения должен быть презираем, не признаются и подавляются. Сторонникам ложной критики хорошо известны эти грешки, более того - они же их и пестуют. Эти господа превращают своё крайнее презрение к студенту в снисходительное восхищение. Таким образом импотентная нынешняя интеллигенция (от «НЛО» до «Независимой газеты») приходит в умиление от так называемой «молодёжи», а явно маразмизирующие бюрократические организации (от «коммунистической» партии до троцкистов, комсомольско-сталинистских группок и НБП) ревниво состязаются за «моральную и идейную» поддержку «юного» студента. Мы раскроем причины этого интереса к студенту и покажем, что они укоренены в господствующей реальности современного капитализма в России. Мы пишем, чтобы разоблачить глупости и пакости одну за другой: сталинисты и фашисты поддерживают, как костыли, либералов, а либералы оберегают, как шавки, фашистов и сталинистов. Малопривлекательная ситуация!

До сих пор все исследования и анализы студенческой жизни (за исключением Беньямина и ситуационистов) игнорировали важнейшие аспекты данной проблемы. Эти анализы никогда не преодолевали воззрений академических специализаций (психологии, социологии, экономики), оставаясь таким образом в основе своей неверными. Фурье давно уже разоблачил «методологическую близорукость» мнимых анализов, производимых в забвении целостности современного общества. Фетишизм фактов, как водится, скрывает сущность явления и не позволяет увидеть тотальность из-за множества деталей. О современном обществе сказано всё, за исключением того, чем оно в действительности является: обществом, которым правит товар, спектакль и полиция. Превращая овеществление в зрелище и тотальный контроль, современный капитализм каждому определяет свою роль во всеобщем бездействии. Студенты не являются исключением из этого правила. Их временная роль «учащихся» – всего лишь подготовка к их окончательной роли консервативного элемента в функционировании товарно-фашистской системы. Таким образом, студент – это форма инициации. Ничего себе придумали!

Эта инициация магически резюмирует все особенности мифического посвящения. Она остаётся совершенно оторванной от исторической, индивидуальной и социальной действительности. Студенты ведут двойную жизнь, балансируя между своим сегодняшним иллюзорным статусом и весьма плачевным будущим положением, которое однажды будет им грубо навязано. Шизофреническое сознание позволяет студенту спрятаться в «группе посвящённых», забыть о своём будущем и наслаждаться псевдомистическим трансом настоящего, оторванного от истории. Неудивительно, что студенты избегают прямого взгляда на своё положение, в частности на его экономические аспекты: в нищем обществе они поразительно нищи. Однако студенческая нищета крайне двусмысленна в бессознательном российском обществе: ей ещё предстоит стать осознанной нищетой нового – просвещённого – пролетариата. Когда это случится? Посмотрим. Пока всё больше молодых людей, способных отстраниться от своего студенческого прозябания, освобождаются от моральных предрассудков и власти семьи, где они подвергались тупой и неприкрытой эксплуатации в раннем возрасте, типичные студенты льнут к своему мракобесному и послушному «затянувшемуся младенчеству». Запоздалые «подростковые кризисы», конечно, могут привести к случайным стычкам с семьёй и преподавателями, и всё же студенты безропотно принимают отношение к себе, как к младенцам, со стороны различных институций, которые управляют их ежедневной жизнью. (И даже если эти институции перестают срать им в лицо, то лишь для того, чтобы обоссать их задницу). Весёленькое дельце!

Студенческая нищета является попросту выражением окончательной колонизации всех сфер российской жизни фашизоидными инстинктами и их агентами-менеджерами. А перенос общественного «комплекса вины» на студентов скрывает всеобщую нищету и рабство. Ну, Россия, ты и помойка!

Однако наше презрение к студентам основывается на другом. Мы презираем их не столько из-за их реальной нищеты, сколько из-за их самодовольства, которым они упиваются несмотря на все виды постигшей их нищеты, и ещё за их нездоровую склонность наслаждаться своим отчуждением в надежде пробудить интерес к своим частным проблемам. Современный капитализм требует, чтобы большинство студентов превратилось в низшие кадры с функцией, равноценной той, которую выполнял квалифицированный рабочий в девятнадцатом веке (но без революционного сознания: ведь рабочий не питал иллюзий на улучшение своего положения). Столкнувшись с очевидной нищетой этой позорной

«компенсации» за свою сегодняшнюю уродливую нищету, студент предпочитает отвернуться к своему иллюзорному настоящему и украсить его обманчивым шиком. Болваны! Безусловно, эта «компенсация» кажется студентам слишком жалкой, чтобы к ней стемиться. Завтра будет таким же гнетущим и унылым, как вчера. И вот студент находит убежище в нереально проживаемом сегодня. Но это самообман мокрицы!

Да, студент – это социальный раб: чем большими цепями опутывает его власть, тем более свободным он себя ощущает. Как и его новая семья – университет - он принимает себя за самое «независимое» социальное существо в обществе, хотя в действительности он (как персонально, так и коллективно) служит двум самым мощным системам социального подавления: семье и государству. Он – их благодарное и послушное дитя. Следуя логике покладистого ребёнка, он разделяет все ценности и мистификации господствующей системы и носит их в себе. Иллюзии, которые ранее навязывались рабочим в белых воротничках, теперь охотно усваиваются и распространяются массой будущих низших кадров. Моложёжь – оболваненная каста!

Если в древности социальная нищета произвела самую грандиозную систему компенсации в истории - религию, то студент в своей маргинальной нищете не может найти иного утешения, кроме самых залежалых и пошлых обманок правящего общества, пародийного повторения всех его отчуждённых продуктов.

Как идеологическое существо, российский студент всегда опаздывает. Все ценности и идеалы, являющиеся гордостью его закрытого маленького мирка, давным-давно были забракованы историей как несостоятельные и смехотворные гадости. Подумайте хотя бы о концертах в ОГИ!

Так, когда-то университеты имели определённый престиж, и студент до сих пор упорствует в своей вере в то, что ему посчастливилось там находиться. Но он опоздал. Его механическое специализированное образование так же глубоко деградировано (в сравнении с прежним уровнем буржуазной культуры Гегеля и Маркса; Сартра и Фуко, а также советской «автодидактической» высшей школы Бахтина и Мамардашвили), как и его собственный интеллектуальный уровень, поскольку современная экономическая система требует массового производства необразованных студентов, которые начисто освобождены от способности мыслить. Вглядитесь-ка пристальней! Университет стал институциональным органом невежества, и всяческая «культура» разлагается и бздит в конвейерном производстве «специалистов» – поголовных кретин, которые должны

быть по праву освистаны простыми школьниками. Но студент этого не сознаёт, безгрешный мудила. Он продолжает с уважением слушать своих учителей, добросовестно подавляя свой критический дух, чтобы ещё глубже погрузиться в запредельный студень расслабленного студенческого бытия, где знание смешивается с зубной пастой, а любовь – с вазелином. Одним словом – менопауза духа! Зубоврачебный клозет!

Тем временем революционное сообщество будущего, конечно же, не признает сегодняшнее копошение лекционных залов и мельтешение университетских дискуссий ни за что, кроме кала, пустого звука, словесного мусора, херни. Только – корка на жопе, слизь на трусах! Быть студентом – это бесконечно пошлая шутка.

Студент не ведает даже о том, что история вторгается и в его «закрытый» мирок. Кризис образования, о котором пиздят газеты, - эта деталь тотального обвала российского реставрированного капитализма, остаётся формой глухонемого диалога между сволочным государством и бездарной интеллигенцией. Этот кризис всего лишь выражает трудности особого сектора производства в его запоздалом приспособливании к общему преобразованию производственного аппарата. Остатки старой советской университетской идеологии опошляются и окончательно деградируют по мере того, как её социальный базис исчезает. В последний период «социализма», когда сталинистское государство оставило университету некоторую маргинальную свободу, последний мог воображать себя некой «автономной» властью. Пустое выкаблучивание! Но даже тогда статус университета был тесно связан с нуждами прежнего общества: в частности, с необходимостью предоставить людям адекватное общее образование, прежде чем эти люди займут своё место в донельзя бюрократизированном обществе. Отсюда нелепость всех теперешних ностальгических профессоров: не смея более вещать от имени «добренького» социализма, они воскресили выдуманные свободы царских университетов и тому подобную невыносимую хуйню! Озлобленные утратой своей прежней функции сторожевых псов государства, эти господа ныне мечтают о не менее благородной функции пастушеских собак, ответственных за сопровождение беловоротничковых стад к их фабрикам и офисам в соответствии с потребностями рыночной экономики. И в это же самое время другие профессора выдают свои тупые архаизмы и черносотенные мифы за альтернативу капитализму и продолжают снабжать обрывками «общей» культуры стаи будущих специалистов, которые понятия не имеют, как эти обрывки использовать. Фантастические

засранцы!

Серьёзное и потому опаснее те сутенёры из «Яблока» и Союза правых сил, которые требуют «реформу университетской структуры», «реинтеграцию университета в социальную и экономическую жизнь», то есть его адаптацию к нуждам современного капитализма. Различные факультеты и школы, которые однажды поставляли «общую культуру» бюрократическому советскому классу, сохраняя ещё часть своего анахронистического престижа, теперь трансформируются в фабрики насильственного кормления для ускоренного выращивания низших и средних кадров. Отнюдь не оспаривая этот исторический процесс, который подчиняет один из последних относительно автономных секторов общественной жизни требованием товарной системы, эти «прогрессисты» протестуют против задержек и неэффективности на пути к завершению этого процесса. Они являются сторонниками будущего «кибернетического» университета, который уже возникает там и сям. Хотя, конечно же, это никакой не киберуниверситет, а просто свинарник программистов и спецов, абсолютно отчуждённых от социальной жизни нищенской державы.

Впрочем, все эти битвы проходят за спиной студента. Где-то там – в туманных банях его учителей и телевизионных шпиков. Собственная жизнь неподвластна деморализованному питомцу высшей школы. Целостность бытия для него недостижима. Он – хрен в маминих поношенных трусиках.

Из-за своей острой экономической нищеты студент обречён на инкубаторскую форму выживания. И дискотеки его выручают! Но всегда самодовольный, он выдаёт свою зауряднейшую нищету за подлинный и оригинальный образ жизни: он превращает в добродетель своё отвратительное убожество и прикидывается богемой. Эта богемность в любом случае далека от действительного решения проблемы. Но представление о том, что можно вести по-настоящему богемный образ жизни без полного и решительного разрыва с университетской средой, абсолютно нелепо. Истинная богема – это всегда тяжкое испытание одиночеством и маргинальностью. Однако богемный студент (а каждый студент любит думать о себе как о богеме) цепляется за свою подражательскую и убогую версию того, что он считает артистическим существованием. Даже престарелые провинциальные секретарши знают о жизни больше, чем он. Студент же настолько «неординарен», что через 60 лет после Вильгельма Райха, этого блестящего просветителя молодёжи, продолжает следовать самым традиционным и консервативным формам любовно-эротического поведения, воспроизводя отношения классового

общества в своих сексуальных интрижках. Он ебётся, как гегемониальный кролик! И самого его трахает во все дырки какой-нибудь Лимонов или Билл Гейтс! Та лёгкость, с какой он может быть завербован как «новобранец» для любой мерзкой цели, является явным подтверждением его духовной импотенции и интеллектуальной вялости. Ну, просто кишечное вирусное недержание, а не российский студент!

Несмотря на наличие у него более или менее свободного времени, допускаемого тотальным контролем, студент избегает приключений и экспериментов, предпочитая безопасные пути ежедневных игр, организованных для него охранниками системы. Хотя и не принуждаемый разделять работу и досуг на дни и часы, как обычные служащие, он делает это добровольно. Лицемерно провозглашая своё презрение к отличникам, он принимает все либерально-фашистские разделения и условности и даже участвует в гнусных религиозных, спортивных, политических и студенческих собраниях, оплакивая отсутствие подлинного общения. Он настолько глуп и ничтожен, что добровольно отдаётся всем формам современной пропаганды – рекламе, туристическому бизнесу, моде. Он встаёт в длинные очереди, чтобы его только трахнули в жопу. Кто? Фашизоидные глумливые молодцы!

Однако подлинная нищета студенческой ежедневной жизни находит непосредственную и фантастическую компенсацию в опиуме культурных товаров. На сегодняшнем культурном базаре студент подыскивает себе естественное место в роли почтительного адепта и влюблённого наблюдателя. Хотя он и близок к месту производства, доступ к настоящему «святилищу культуры» для него закрыт. Таким образом он воспринимает «современную культуру» как восхищённый зритель, распахнутая срака. В эпоху, когда искусство мертво, он остаётся самым преданным клиентом театров, музыкальных сходов и кино клубов, то есть самым фанатичным потребителем упакованных частей грандиозного трупа искусства, выставленных в супермаркетах для состоятельных и одураченных нуворишей. Потребляя безудержно и некритично, он чувствует себя в своей тарелке. Если бы не существовало «культурных центров», студент бы их выдумал. Он является живым подтверждением всех банальностей американских исследований рынка: яркий и преданный потребитель, загипнотизированный мнимым разнообразием продуктов, равных в своём ничтожестве, с иррациональным предпочтением марки «А» Виктора Пелевина и иррациональным предубеждением против марки «Б» Татьяны Толстой. Уёбок!

А когда дешёвые «боги», организующие культурный балаган, обретают человеческий вид на сцене, студент – их главная добыча, их идеальный зритель и фетишист. О, господин Пригов, о, мистер Гельман! Студенты собираются толпами на все эти бесстыдные и хуёвые выставки и чтения, концерты и дискуссии. Неспособные на настоящие страсти, они ищут острых ощущений в мертвенной практике похабненьких знаменитостей: Рубинштейна-Осмоловского-Кулика-Щербины-Мумий-Тролля-НБП-Курицына-Мамлеева... И копаются в их соперничающих идеологиях, целью которых является сокрытие реальных проблем с помощью разглагольствования о проблемах ложных: бла-бла-бла-бла-бла...

Студент думает о себе как об авангарде, если он видел последний фильм Годара-пердуна или если купил последнюю книгу немецкого засранца – забыли его фамилию. Он открывает новые культурные горизонты с той же скоростью, с которой интеллектуальный рынок производит свои эрзацы давно устаревших, хотя и когда-то важных, идей. В своём невежестве студент принимает розовую культю за культурную революцию. Его заботит лишь сохранение собственного культурного статуса, который он приобрёл в глазах пары придурковатых девиц. Он гордится покупкой важных и сложных текстов в крикливой обложке, которые мерзавцы-издатели распространяют с нарастающей скоростью. (В этой связи вряд ли стоит советовать воровать эту макулатуру.) К несчастью, студент ведать не ведаёт, как ему читать всё это барахло, и довольствуется бережным разглядыванием текстов. Макака! Макака! Макака!

В последнее время российский студент начал «политизироваться». И он крайне этим гордится. Студент становится «антиглобалистом», «анархистом», «троцкистом»... Жопы с ручкой! Кривлянье!!! Его участие в политике абсолютно фиктивно. Самообман, ложь. Он хватается за все жалкие объёдки левого, которые давным-давно обглоданы, переварены, высраны. Социалистический реформизм Кагарлицкого? Сталинистская контрреволюционная демагогия? Старческий бред КПРФ? Мерзостная дешёвка НБП? Всё это – срань, отвратительные отбросы! Нынешние правители России, кстати, прекрасно сознают поражение рабочего движения, и рабочие, между прочим, тоже, хотя и более смутно. Но студент остаётся в полном неведении относительно данного факта и продолжает беспечно участвовать в самых смехотворных митингах и демонстрациях, не могущих привлечь никого, кроме последних подонков и дураков. Это и есть политически ложное сознание в своём непристойно-девственном виде.

Именно оно делает студенческие мозги доходным охотничьим угодьем для всякого рода манипуляторов и спекулянтов, прибывающих из умирающих бюрократических организаций. Эти «ловцы человек» и мелкие бонзы тоталитарно захватывают и программируют политические взгляды студентов. Хайль! Хайль! Хайль! Иногда у молодых баранов появляются лёгкие тенденции уклонения и слабые импульсы «независимости», но после периода показного сопротивления «диссиденты» включаются обратно в порядок, который они никогда не ставили под вопрос фундаментально. Бббббббббббб!

Анархисты? Они просто мудаки. Вызубрив классическую бакунинско-кропоткинскую азбуку, они не представляют, что анархизм проделал гигантский путь с 1918-го года. Они ведать не ведают о могучей дискуссии 1968-го года, они структурируют себя на манер сталинистов и других зомби. И вот вам, как результат, «Автономное действие» - партийная сучья нора, откуда исключён самый дух спора, творчества и подлинно революционного действия. Клоны!

Студент, пришедший в такие организации, гордится своей оппозицией путинскому режиму, однако делает он это, наивно принимая сторону мёртвых и старых охранителей, выращенных внутри сталинской традиции. Его «молодёжные» позы, таким образом, ещё более смехотворны, чем «демократические» позы режима – кремлёвские гады, в конце концов, понимают современное общество достаточно хорошо, чтобы им править.

Но это не единственный идиотизм студентов. Они чувствуют себя обязанными иметь общие представления обо всём, им хочется раздобыть последовательное мировоззрение, способное придать форму их потребности в нервной активности и псевдосексуальной игривости. В результате они становятся добычей последних миссионерских усилий русской православной церкви. Они спешат с атавистическим рвением вкусить зловонный труп бога и хранят в памяти все разлагающиеся остатки доисторических религий, веря, что этот гной и смрад как-то обогатит их. Вместе с престарелыми провинциальными матронами студенты формируют социальную категорию с наивысшей приверженностью к религиозной дряни. Повсюду попов оскорбляют и отбиваются от них, но вонючее патриарше семя каким-то образом пробивает себе путь в духовные анусы тысяч студентов. Ещё! И ещё!

Следует добавить, однако, что существуют и студенты с относительно приемлемым интеллектуальным уровнем. Эти последние с лёгкостью обходят предписания, предназначенные для их более посредственных

товарищей, и это удаётся им именно потому, что они проанализировали и поняли систему, научились презирать её и осознали себя в качестве её врагов. Они приняли систему образования, чтобы получить лучшее из того, что она им предлагает, а именно возможность знать и оперировать этим знанием. Пользуясь противоречиями, которые пока ещё заставляют систему поддерживать крошечный и сравнительно независимый академический «исследовательский» сектор, они тихо приносят микроб бунтарства в эти стены: их открытое отвращение к системе соответствует их ясности, которая позволяет им превзойти лакеев системы, особенно интеллектуально. Давайте! Давайте! Эти студенты могут стать основой будущего революционного движения, и мы их поэтому всячески приветствуем. Образовывайтесь, просвещайтесь! А потом хряпните по системе могучим кулачищем! Выработывайте стратегии и тактики борьбы! Не умничайте, а подлинно развивайтесь! И помните, что всё, что вы извлекаете сейчас из академической системы, должно быть направлено на её разрушение. Студенты в принципе не могут бунтовать, не бунтуя против своей учёбы, хотя необходимость этого бунта не столь очевидна, как неотложность восстания для рабочих и служащих, которые время от времени стихийно восстают против условий своего труда, но, к сожалению, недостаточно часто. Однако студент – это продукт современного общества, как Сорокин или кока-кола. Его чрезвычайное отчуждение может быть разрушено только через разрушение всего фашизоидного общества. Но эта радикальная критика ни в коем случае не может совершиться на студенческой почве: студент, в той степени, в какой он таковым является, идентифицирует себя с псевдоценностями, которые препятствуют осознанию его действительной позиции, и таким образом он остаётся на вершине ложного сознания. Идиот! Кретин! Но везде, где современному обществу сопротивляются восставшие люди, молодёжь принимает участие в этом восстании. И, разумеется, такой открытый и могущественный бунт представляет собой самую непосредственную и точную критику поведения обычного студента. Ну же! Раз! Два! Три! И ещё - раз! Два! Три!..

ВЕЛИЧИЕ, ЛАКЕИ, ВЕЛИЧИЕ!

Слушай, дурак Березовский! Слушай, дурак Руперт Мердок! Слушай, дурак принц Фахд!

Движение воздуха, шум струящейся воды, рост пшеницы, колебания волн моря, зеленеющая земля, блеск неба, сияние звёзд – во всём этом ощутимо величие и ещё раз величие. Да только где вы это видели? В ваших жалких туристических проспектах? Дешёвка! Свинство! Как провидчески написал граф Лотреамон: «Миновав красный фонарь, девчушка за скромную плату позволила ему заглянуть себе под юбки». Вот и все ваши удовольствия, идиоты: за свои деньги месить какую-нибудь несчастную между двух простыней, которые ещё недавно были чистыми, а теперь невыносимо смердят. И что же дальше? Как вы хотите взглянуть смерти в лицо? Да от вас воняет так, что Харон расхохочется! Макаки! Душегубцы!

Молния, разрушающая дом, вулкан, изрыгающий огонь, землетрясение, погребавшее под собой целый город, - тут мы не видим большего величия, чем в явлениях, упомянутых выше, наоборот, это кажется нам менее значительным, поскольку это уже нечто исключительное, чрезвычайное, особенное. Сцилла и Харибда! Говно дракона! Чаша Грааля! Чехарда! Зато это постоянно транслируется по телевидению! Болваны! Вурдалаки! Со всех сторон вы облапошены, импотенты!

А вот и война! И что вам говорят о ней Милтон Фридман и компания, вы всё поедаете послушно, как кисель из фальшивой смородины. Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак, Ирак... Вам бы самим стоило съездить в Ирак и посмотреть, как там обстоят дела, а не слушать, что вещает сволочной, задерьмовленный диктор. Вот это было бы путешествие, особенно с израильским паспортом!

Кавказские народности! Развороченный труп Дудаева! Ну что, чуеете, засранцы, где зарыто настоящее величие? Ну да, ну да! Разумеется, разумеется! Оно – в героическом риске отморозить (вариант: поджарить) собственную задницу. Ну-с! Тут хороший пример даёт... кто? Ну, кто?! Ну! Ну!! Ну!!! Угадали! Да, конечно: мудака Лимонов! Вот так масс-медиальная жопа! Вот так слава! Вот так лучший русский писатель! Менты посадили его, чтобы все остальные

усрались со страху – вот вы и усрались! Продюсеры! Менеджеры! Издатели! Аж прямая кишка выпала! Бедные Ивановы-Говнадовы-Дерьмодовы! У-у-у-у-у-у-у-у! А-а-а-а! Е-е-е-е! Бопс-бопс-бопс! Футуристики-акмеистики-дадаистики-неоистики! Ну и ну! Подыграли ментам! Молодцы, гордецы! Ну, лакеи! Ну, трусы, ну, подлецы! Настоящие вонючки-песцы! Да-с! Вам только и играть с ментами в поддавки! Обязательно выиграете! Ну, как поэт Кушнер!

СМЕРТЬ ИЗИДОРА ДЮКАССА, ПРОЛЕТАРИЯ

Сэнди Ревизорову

Дорогой Сэнди! Надо жить в истории. Надо погружаться туда всей головой и туловищем. Надо перемещаться в историю всем сознанием, чтобы соотнести себя с ней и сделать правильные выводы для сегодняшнего дня. Поэтому давай-ка поразмышляем о Дюкассе.

Чёрт побери! Его смерть так бесцветно банальна, что невольно хочется поближе рассмотреть его жизнь во всей её загадочности. Отчего в итоге умер бедняга Изидор Дюкасс, гений, так и не сжившийся с миром, который не хотел его признавать – так же, как Эдгара По, Жерара де Нерваля или Рембо? Болел ли он долго или угас в несколько часов? Встретил ли смерть в своей постели на рассвете? Изошёл ли зелёной рвотой на цветастой подушке? Или сгорел в одну минуту, как киборг? История просто и зловеще свидетельствует: кроме хозяина пансиона и коридорного, некому было подписать акт о смерти, как и в случае с доктором Фаустроллем.

Как-то всё это жидковато для великого поэта, до того это всё обыденно и жалко, что даже отдаёт чем-то непристойным, вроде запаха чахоточных слюней. Вульгарные, дешёвые, будничные похороны Изидора Дюкасса не вяжутся с его тайной, странной, волшебной, неизвестной жизнью-сказкой – им больше под стать обезьянья лживая завистливая ненависть (ненависть в квадрате), которой буржуазное тупоголовье расправляется с подлинным величием.

Но что за ублюдская, грязная, закоренелая тупость – утверждать, что, не умри Лотреамон в свои двадцать четыре года, лишь начав по-настоящему жить, то он, подобно Ницше, Ван-Гогу или бедняге Нервалю, тоже угодил бы в психушку? Вот уж так логика! Не из той же логики вы, мерзостные критики, душноротые ничтожества, ублюдочные интеллигенты, извлекаете свои выводы о Бренере, который тоже, видите ли, примитивный клоун, второсортный крикун, подержанный товар, а на самом теле – сияющая точка в вашей бочке крови и жеваной моркови?!

И всё это потому, что если позиция Мальдорора и приемлема в книге, то разве что после смерти, быть может, даже ещё через десять лет после того, как сгниют подошвы и губы в гробу, лопнет кожа возле сосков, а нос превратится в маленький кишаший трон для короля белых червей Бао-Бао... То есть вы готовы принять Мальдорора лишь когда затихнут неустанные

взрывы сухого и мужественного сердца Дюкасса – при жизни они были слишком сильны, так что вас мучило предчувствие гражданской войны или землетрясения в Мехико... Так заткнули рот По, Бодлеру, Фриде, Арто, Джеку Смиуту, нам, и так же – невообразимому графу Лотреамону: просто фашисты испугались, как бы человеческая поэзия не шагнула со страниц в жизнь и не перевернула столы в их канцеляриях и редакциях. Московские прихвостни! Вот уж воистину, вы – «ХЖ» – хуй-жопа, жопа-хуй, хуй-жопа! Я ведь знаю, кто ты на самом деле, Мизиано, и ты тоже это знаешь! Непереносимое убожество! Трус! Ноль! Обыватель! Мозгляк! Совсем как Ерофеев, как Бакштейн, как Ирина Кулик...

Это звучит страшно и вместе с тем обыденно.

Да, Лотреамона заставили замолчать совсем молодым, чтобы скорее покончить с растущей враждебностью его души, которую просто тошнило от повседневной жизни и которая мало-помалу повсюду разнесла цинизм и странную хитрость своих постоянно раздираемых ран. Боже мой! Всемогущий Сатана!

Да, да, в «Песнях» жестоко всё – от голени несчастной, сделавшей себе аборт, до проносащегося мимо последнего омнибуса. Амок! Амок! Литература тут выворачивается наизнанку, и вовсе не по рецепту новомодных дизайнеров... Это кишки отъявленного индивидуалиста... С них соскальзывают на пол подлинныя глисты метрового роста... А вы хотите, чтобы было иначе? Вы, сволочи, от взгляда которых у юных существ сморщиваются гениталии, как у старух, вы, из-за которых пух на спине девушек превращается в зелёную плесень?!

Что-то в Изидоре Дюкассе было такое, что заставило его уступить место невыразимому графу де Лотреамону – какое великое, прекрасное имя! И если имя Лотреамона послужило Дюкассе паролем к величию созданного, к посмертной славе, то само подобное изобретение литературного псевдонима, этого маскарадного наряда на всю жизнь, своим вознесением над творцом породило одну из тех всеобщих мерзостей, коими кишит история литературы – и от неё умер Изидор Дюкасс, а вовсе не граф де Лотреамон. О боже, Дюкасс: именно ты помог Лотреамону выползти на свет в своей бедной комнатушке, именно ты помог этому священному уроду выжить, и я почти уверен, даже скажу больше – я убеждён, что безликий невыносимый граф Лотреамон, геральдическое чудовище, был для Изидора Дюкасса чем-то вроде наёмного неуловимого убийцы.

Рубите же сук! Скорее! Скорей!

Мы считаем, что именно от этого, в конечном счёте, и умер бедняга

Изидор Дюкасс: его прикончил литературный фантом по имени Лотреамон. Амок! Амок! Граф Лотреамон, чьё имя придумал Дюкасс, пережил его и насмехается теперь над покойничком в стерильных кнайпах. Когда Изидор нашёл это изумительное подвально-чердачное созвучие (ЛО-ТРЕ-А-МООООООН!!!), одинок он не был – вокруг него микробами кишели соглядатаи, слюнявой ядовитой толпой обступали самые злобные вампирчики, саранча с головой Кати Дёготь, невиданные прихлебалы с бородёнками Дугина, раздутые животы бегемотов с обрюзгшими чертами Проханова, ртутные этажерки с харями Курицына (вобщем, мразь невиданная!), что, стоя у его изголовья, приговаривали: «Лотреамон – это мы, а ты – всего лишь дохляк Изидор Дюкасс, и если ты не признаешь этого, не подтвердишь, что «Песни Мальдорора» написали мы, то мы тебя немедленно убьём, а прежде кастрируем! У-лю-лю! У-лю-лю! У-лю-лю!»

И вот он умер рано утром, после безумной ночи, в холодном поту, глядя из гроба в лицо своей смерти, а мразь разбежалась по вернисажам и редакциям – продолжать свою похабную свистопляску. Так мёртвый бедняк Дюкасс впервые безучастно взглянул из деревянного ящика в хищную морду богача Лотреамона.

И так всё это повторяется бесконечно! Бесконечно!

Это не был бунт вещей против их владельца, это была оргия, бессознательный путч всех-всех-всех против сознания одного. Ибо нет ничего более трудного, чем хранить своё бунтующее сознание, ведь истинное сознание – это всегда бунт, сопротивление, высокая неприятность, прекрасная катастрофа. А вы, сволота, хотите слить все сознания в одно – в ваш примиренческий сортир, хо-хо-хо! В ваш нужник! В вашу желудочно-анальную непристойность! Хо-хо-хо-хо!!!

Не поддавайся им, Сэнди! Не поддавайся им, маленький! Ни за что!!!

Хо-хо-хо-хо!!!

НЕОБХОДИМОСТЬ ЖЕЛАНИЯ

Я хочу халву есть. Я хочу на Путьку сесть. Я хочу мать заесть.
Я хочу гранатовый сок пить. Я хочу в твою вульву выть. Я хочу ссыть.
Я в тюрьму не хочу сесть. Я хочу в твою дырку лезть. И кожих плесть.
Я канавы не хочу рыть. Я хочу жить. Я хочу зыть. Зыть!!!

К чёрту всех вас!
Вы все – угнетательский класс! Аз! Хаз!!!

Я хочу эротический крем. Я хочу мазать ем. Я хочу сто клемм.
Я хочу умастить им нас. Я хочу влезть в твой лаз. Здесь и сейчас!
Я не хочу приказов и схем. Я хочу тысячу клемм. Я хочу свем!
Я не хочу расистов и рас. Я хочу басас. Я не хочу лабаз.

К чёрту всех вас!
Вы все – угнетаемый класс! Маз! Аз! Уаз!

Я хочу сомневаться во всём. Я хочу пить красный ром. Я хочу взлом.
Я хочу нашу жопу любить. Я хочу ласкаться и ссыть. Я хочу ррыть.
Я не хочу в казённый дом. Я хочу ебаться умом. Умом и орлом.
Я не хочу за поезд платить. Я хочу ить. Я хочу ыть.

К чёрту всех вас!
Вы все – учительский класс! Шас! Фас! Жаз!

Я хочу в море лежать. И стонать. И плевать.
Я хочу среди пальм сорить. Я хочу на вулкане жить. Мыть. Ить.
Я не хочу ментам подражать. Я не хочу им ржать. И блевать.
Я не хочу никому служить! Лить. Пить. Ыть.

К чёрту всех вас!
Вы все – ученический класс! Гаааз! Гааааз! Гааааааз!

МЫ - АНТИКЛЕРИКАЛЫ, А НЕ ИКАЛЫ!

А если вы, попы, снимете с себя кальсоны и парики, то увидите, что вы не попы, а Бобы! Бобы же есть хозяйчики (и одновременно рабы) фашизма, патриархата и капитала – сгустки то ли собачьего гноя, то ли рачьего кала. Первый отжим – бузло! Второй отжим – бабло! Третий отжим – вселенское зло! Бобы водку хотят доить, а попы мечтают её крестить, Бобы ружьё и подштаники чтут, а попы порохом и сметаной срут, Бобы пластиковую каку мастерят, а попы этой каке «Свят!!! Свят!!!» вопят!

Долой поповски-гаденские воздыхания о мире в жире, о добре в норе, о любви в крови, об Иисусе в моржовом усе! Долой альянс церкви и ОМОНа, на котором, сука, Богоматери и младенца икона! Долой ладан в Кремле и искромсанные конечности на чеченской земле! Долой глянцевого, как порнуха, лоб патриарха Алексия-блядоху! Долой крест-бомжатник, кретин, на котором вся эта держава распята, как лабораторный бабун! Долой золочёные купола и трупсмерд из госдумовского дупла! Долой проповедь о правой и левой щеке. Долой радиоактивный студень в тошной реке! Долой любовь к ближнему поёбанному своему! Долой массы, утопленные в харкотине, как Муму! Долой храм Христа Спасителя, похожий на олигарховский ресторан, а заодно и страну, которой правит Володя-пахан! Долой батюшкину волосню и черносотенную тусню! Долой сентиментальные образа и слезоточивый газ в глаза! Долой умильные фото кровавого Николашки-царя! Долой современного политически-экономического упыря!

[illegible]

ЛИСТОВКА ПРОТИВ СМИ

СМИ – хитрожопые вши. Они скрывают свои идеологические швы. Они - органы корпоративно-государственной лжи. Ты, дурачок, их невымытый анус не лижи.

Гжи-гжи-гжи-гжи! Бойся, дружок, этой парши!

СМИ говорят: вот вам объективная информация. Но на самом деле - это многоуровневая манипуляция. Смотри! На первом уровне: развлекать и отвлекать от важных тем. (Чтоб ты, дурачок, был покладист и нем.) На втором уровне: замалчивать и искажать. (Чтобы ты, дурачок, продолжал, как ни в чём не бывало, ржать.) На третьем уровне: погоня за сенсациями. (Чтоб ты, дурачок, прикалывался над их ничтожными провокациями.)

Пши-пши-пши-пши! Вот такие вот хитрожопые вши!

Смекаешь теперь? Не доверяй, глупыш, доминантным медиа! Они, как говорил папа Карло, - бездарнейший фарс и комедия! Не думай, что через СМИ можно передать достоверную информацию. СМИ неизбежно устроят ей brutalнейшую кастрацию. Клитор-смысл обрежут, вагину-дискурс зашьют. И навалят сверху вонючейшего говна пуд.

Уд-уд-уд-уд! СМИ – гегемониальный спрут.

СМИ - часть гигантской пустыни, лежащей под Луной угнетения. В этой ночи крайне редко услышишь обалденное песнопение. Но петь о свободе нужно! И нужно о ней орать!!! Время альтернативные медиа, дорогой дружок, создавать! Писание, рисование, публикация, дистрибуция! Пусть скиснет под Солнцем равенства языковая поллюция!

Ир-ир-ир-ир! СМИ – управленческий жир!

ЧЕРНОЖОПЫЕ!!!

Что с теми турецкими отравленными конфетами-котлетами, которые на прошлой неделе приглянулись вам в Текстильщиках-могильщиках? И что с крашеным, пропитанным сибирской язвой, тулупом-залупом, который продавался в воскресенье в Измайлово-изгадайлово? И ещё: что с теми ворсистыми старушечьими шарфами-пиздафами, напичканными иголками-сколками, с Тушинского рынка-застынка? Глинка! Глинка! Неглинка! И с радиоактивными кастрюлями-хулями, самовозгорающимися сервизами-пиздолизами, рыболовными крючками-качками класса «земля-воздух» («заебля-роздух»), втягивающими в себя зеркалами-клиторьями, часами-хуями с фашиствующей кукушкой-кликушкой, вливающимися в ноги колготками-живоглотками и мороженой-неухоженной (кусающейся в желудке) рыбой-глыбой, что продаются на Полежаевской-разъезжаевской? У? И непредсказуемыми, нашаривающими вход-удод в тело-бздело, гвоздями на Будёновском рынке-свынке? И прирастающими к телу-желу рубашками-барашками на Соколе-йоколе, Преображенке-застенке и Юго-Западной-западне? Что там с заводящей в автокатастрофу-кофу ювелиркой-подстилкой в киосках на Марксистской-фашистской? И с бюстгалтерами-салтерами, отрывающими соски-куски кормящим матерям-катерам, на Лубянке-поганке? У? Что там с напичканными водородными бомбами-ромбами сумками-умками на замызганном полу Баррикадной-ненаглядной? Что? Что? Что? Что? Что? Что? Смекаете-икаете?! Лаете-хаеете? Руки на стенку! В чёрную пенку! Раз-два-три, суки!!! Забыли науки? Сволочь волосатая!!! А-а?! Вы знаете как это поиметь?! И вы можете это поиметь! Без всяких денег, бля! Никаких, бля, денег, никогда, бля, денег, деньги не растут на деревьях, только беложопые имеют деньги, только беложопые умеют их выращивать, то есть печатать их на своих машинах, чтобы контролировать вас, бля, а вы ничего не можете спиздить у беложопых, бля, они сами уже всё спиздили, своровали, стибрили, стащили, они, бля, – ваши должники, по гроб жизни должники, они вам должны всё-всё, что вы хотите, свою собственную жизнь, жизнь ваших детей, вашу жизнь, жизнь ваших слонов, их детей и их внуков, бля. Слушайте же, черножопые! Слушайте!!! Все магазины откроются, если вы произнесёте правильные волшебные слова. Эти волшебные слова суть: руки к стене, ёбарь дешёвый! Руки к стене, беложопый! Руки на стену, ёбанный ОМОН! Или: разъеби их витрины к ебеней матери тёмной ночью, сынок! Бля буду!

Разъеби стекло в их беложопой машине, дочка! Во! Сука! Это волшебные слова и волшебные действия: разъеби их витрину солнечным днём! К ребеням! Разъеби их витрину в сумерки, в дождь, в град, при любой погоде, на рассвете, в скверном настроении, в безоблачном настроении, трезвый, подвыпивший, обосравшийся, начитавшийся Маркса, пророка Мухаммеда или, бля, Акунина... Ёб! Ёб! Ёб! Ну! Ну! Ну! Вместе, разом, сейчас же, давайте разъебём их витрины и стёкла и вытащим их говно наружу, бля, - в свои чемоданы, карманы, сумки, мешки, под пальто, за пазуху, в трусы, в чулки, в щель жопы вонючую... Ну! Бля! Просто так! Не платя! Ёбс! Давай! Стащить! Сейчас! Без всяких бабок! А?! Нет времени платить! Ух! Просто взять, что вы хотите, на что глаз положили, что вам приглянулось, на что польстились, к чему благоволите, что вашей душеньке угодно... Ёпс! Опс! Да! Аааай-яяй! Всё! Ух! Айй-яяй! А потом! Эх! Потом! Пляшите на их улицах, врубите музыку до отказа, бегите по улицам с воплями и визгами, эх, все эти магнитофоны, стерео-установки, плэйеры для вас, черножопые сёстры и братья мои, веселее! Ну! Ях! Эх! Вот они какие: движутся беспорядочно и стройными колоннами, по одному и попарно, маленькими группками и толпой... Ух! Ух! Да! Везде, везде: внутри Садового кольца и снаружи, по периметру и по диагонали, прыжками и ползком... Раз! Раз! Раз! Братья и сёстры мои, братья мои и сёстры черножопые, ах, синегубые, ах, краснойцые, фиолетовоклиторные, серорожие, розовоносые, ах, плюйте в белопудинговые хари! Мы должны создать наш собственный мир, бля, наш собственный мир, и мы не можем этого сделать, пока беложопый не стал красножопым, синежопым, зелёножопым! Ну же! Ну! Пойдёмте и перекрасим великую жопу мира раз и навсегда! Перекрасим её в натуральный цвет! Ибо белый цвет – искусственный! Такого цвета в природе нет! Ай-яяй! Ну! Давайте собирать все фрукты мира, все плоды солнца, напоённые всеми цветами радуги! Давайте творить мир, где черножопые дети, когда они вырастут и посмотрят вам в лицо, проклянут вас, черножопые, и ваши жалкие зигзагообразные пути-мозги, проклянут вас и заплачут, и вспомнят своих прадедов и прабабок заблёванных, заёбанных, закованных! Бля! Бля! Бляяяяя! Руки на стену, сука!!!

ПОПЫ, РАБЫ, ЛБЫ, ЖЛОБЫ, ГРОБЫ ВСЮДУ, ГОЛЫТЬБА!!!

Пауки! **Пауки!** Ки-ки! **Ки-ки!** Из кремлёвских опричных подвалов (пыточных тайных дувалов), что небывалой сетью (ёбаной плетью) раскинулись под Москвой – **отрубленной головой**, и подо всею раскоряченной сифилитическим раком Россией-норой, **вырвались и набежали наружу пауки!** Ки-ки! **Ки-ки!** Полчища, **тмутаракань!** Дешёвая срань! **Это попы.** Они – клопы. Они говорят о себе, что они крестоносные добройцы мотыльки, но они не таковы. **Стоните, львы!** Дышите, рвы! Они, попы – **копы и клопы**, сборище висложопых пауков-крестоёбцев, **охотнорядских поганеньких хлопцев.** Земля палима! **Небо хулимо!** Дети, бегите скорее мимо! **Курва, мамурва, чурва! Чур тебя, дурья чувурва!** Ой, нет, попы – **это вирусы, вирусы!** – в болючей слюне их клиросы! Едят они баб и старух, как свинину или тополиный пух, **до дырявой кости** (глотки в коросте!), а мужикам вселяются в поры бороды и мошонки, **уроды, подонки!** Безбороды нынче российские мужики, ки-ки, **ки-ки,** безволосы, как осы, словно глобусы в спальне Вовки-воровки - **Глиняного Колосса,** - абсолютно лысы, **нейтронные крысы,** за исключением позвоночника и поясицы (**зато в глубокой шерсти – ягодицы**). И таковыми сделала их кропотливая работа попов, **свинячих подков**, кишаших в их угреватых порах от паха до бровей (**ей-ей!**) и выгрызающих все волосяные луковицы до святочных гонорей-угрей. Уей! **Уей!** А мужик без волоса – **что евнух без голоса.** Внутри же этих обнищавших мужиков – смазанные бараньим жиром винные погреба, где вина и водки (**чёрта находки!**) стоят не в бочках и бутылках (**на патрицианских носилках**), как в доброй старой Франции, а смешались вместе в одну чёрно-жёлто-розовую харкотину, в одну густую слизистую слякоть, **бля буду.** Пауки и микробы из паров этой слякоти и происходят. **То есть попы суть не опиум для народа, как сказано было, а его прокисшая сперма, мокрая, непотребная масса, на которой сидит самозванный князь Липовецкий (Путин) с приспешниками, и справляет ублюдочную вечеринку с рязановскими воплями: «С лёгким паром! Счастливого рождества!».** Где же тут рождество, спрошу я вас, где волхвы, где святая беднота, где разноцветные шары и еловые ветви? **Нету их и в помине.** А что же есть? **Один хлев!** Да ещё загнанный в пробирку попами-пауками-изменниками сперматозоид Иисуса-младенца да измазанные кровью, нефтью и газом вафельные полотенца. **Сия пробирка хранится в штанине президента, где она стараниями его лейб-медика**

патриарха **Алексия** присосалась к концу президентского хрена, искусственно оттянутого до колена. Уй! Уй! И президент непревзойдённо спускает в эту пробирку ртутную сифилитическую кефирку, чтобы нерождённый Иисус сгнил, так и не явившись свету. **Фью! Фью! Фью! Фью!** Так что второму пришествию не бывать: **хана, ёб твою мать.** Нечего ждать избавления от, бля буду, избавителя, нечего надеяться на тыльную сторону фашистского кителя. *Никакого Малкольма не будет (если вру, пусть меня Клара Цеткин осудит).* И если вы, бля, дураки и дуры, сами не возьмётесь за святое дело ассенизации и радости, то всё – швах, чёрный монах, пиздец на холодец, блямба. **Ибо ваш патриарх – олигарх, он в Кремле сидит на игле, а ваш Иисус – водочный гнус, а разум ваш – циничный лаваш.** Мус, кус, **туз!** Так что тут без оздоровительного поноса-губососа не обойтись. **Но чище поноса и мороза, как известно, ширазская роза.** Думайте об этом *(и зимой и летом).*

ВСЕ СУКИ - ВОН!

или

13 ТЕЗИСОВ О СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА (ФИЛОСОФИИ ПРАКТИКИ)

1.

Современные «культурные работники» (так называемые художники, а на самом деле экономические и политические функции нынешней либерально-фашистской системы), привыкшие мыслить и действовать полусознательно, бессвязно, от случая к случаю, механически принимая мировоззрение, навязанное им извне, то есть той общественной группой, к которой они социально и идеологически принадлежат (традиционная интеллигенция, буржуазная индустрия развлечений, интернациональная арт-система, местная культурная среда, конкретная институция или кружок), должны понять, что подобное существование достойно лишь рабов, жлобов и конформистов. Первейшим долгом современного «культурного работника» является выработка критической методологии, на основании которой он (она) может принять активное участие в овладении собственной жизнью и пересоздании мировой истории. Хватит покорно и пассивно подстраиваться к воздействию идеологических аппаратов мракобесных режимов, нужно учиться ориентироваться по собственному компасу. **Хана!**

2.

В случае, если мировоззрение «культурных работников» не критично и не последовательно, а бессвязно и случайно, они оказываются не самостоятельными индивидами (не творцами собственной судьбы), а марионетками в идеологической игре нынешних хозяев жизни – глобального «корпоративно-интеллигентски-технократического» блока, безраздельно правящего в мире со времён падения Берлинской стены. Критика собственного мировоззрения означает стремление к его единству и последовательности, к повышению его до уровня, достигнутого самой передовой (эмансипаторской) мыслью в мире. Это подразумевает также критическое отношение ко всей до сих пор существовавшей и ныне существующей культуре, зарубившей прочные метки в сознании и деятельности каждого из «культурных работников». Начало критического пересмотра состоит, таким образом, в «познании самого себя» как результата имевшего до сих пор место исторического процесса,

оставившего в тебе самом бесчисленное множество наслоений, воспринятых без критической инвентаризации. Начинать поэтому следует именно с такой инвентаризации. **Хана!**

3.

Нельзя отделять культуру от истории культуры. В прямом и наиболее точном смысле нельзя быть современным «культурным работником», то есть иметь критически последовательное мировоззрение, без осознания его исторического характера, представляемого им этапа длительного социокультурного процесса и того, что оно находится в противоречии (или активной борьбе) с другими мировоззрениями или с элементами других мировоззрений. Критическое мировоззрение отвечает на вопросы, поставленные самой действительностью, которые вполне конкретны и специфичны в своей актуальности. Нельзя воспринимать настоящее на основе представлений, выработанных для решения проблем, относящихся в превзойдённому историей прошлому. Такое методологическое поведение свидетельствует либо о тупости, либо о недобросовестности, либо о догматизме. И тем не менее весь институт современной культуры, постоянно провозглашающий свою верность современности, оказывается совершенно неспособным к исторической самостоятельности и занимает из-за своей включённости в механизмы эксплуатации и отчуждения отсталые, анахронистические или откровенно реакционные позиции. **Хана!**

4.

Нет культуры вообще, как нет и единой современной культуры. Существуют различные культурные (мировоззренческие) позиции, и выбирать всегда приходится между ними. Как происходит этот выбор? Является ли он чисто рассудочным или требует всего индивида («культурного работника») - вместе с его эмоциями, ежедневным праксисом, привычками, действиями? К чему сводится подлинное мировоззрение: к логически утверждённому в качестве интеллектуальной позиции или к реальной деятельности каждого, к мировоззрению, диктующему и слова, и поступки? Конечно же, критическая методология неотделима от праксиса, от ежедневной деятельности индивида. А поскольку эта деятельность всегда носит политический характер, то подлинная культурная позиция каждого заключена в его политике. Противоречие между мыслями и поступками, то есть сосуществование двух мировоззрений в индивиде – одного, утверждаемого на словах, а другого, выражающегося в реальных

действиях, - не всегда вызвано личной недобросовестностью. Иногда это противоречие может быть следствием глубокой идеологической обработки индивида, а также результатом давления на него «закона экономического принуждения». Иногда индивид (или коллектив), имеющий собственное, хотя и в зачаточной форме, мировоззрение, проявляющееся в действии, а значит - с перерывами, от случая к случаю, то есть в моменты выступления этого индивида (или коллектива) в качестве активного политического субъекта, заимствует у других индивидов (или коллективов) – по причине интеллектуальной подчинённости и несамостоятельности – не своё мировоззрение и утверждает его на словах, веря даже, что он ему следует на деле, как он следует ему в «обычное время», то есть когда его поведение является не независимым и самостоятельным, а как раз подневольным и подчинённым. Вот почему нельзя отделять мировоззрение от политики и, напротив, можно доказать, что выбор и критическое отношение к определённому мировоззрению является также политическим актом. «Культурные работники»! Не редуцируя культуру к политике, сознательно и последовательно политизируйте культуру! **Хана.**

5.

Институт современной культуры никогда не имел критической и последовательной методологии. Ассимилируя элементы различных культур и идеологий, постоянно смешивая и перетасовывая «старое» и новое», этот институт всегда следовал логике капиталистической эксплуататорской системы, частью которой он был, а именно логике постоянных переворотов в орудиях производства и, следовательно, непрерывной «революционизации» общественных и культурных отношений, логике «конкурентной» смены языков и стилей культуры, при сохранении её классовой структуры. Культура при капитализме – это лоскутное одеяло буржуазной гегемонии, радующее или раздражающее глаза развалившихся в постели хозяев жизни своими разноцветными многосложными фрагментами. Однако эта культура, как и её хозяева, боится, избегает и скрывает реальные антагонизмы и противоречия, пронизывающие капиталистическое общество (за пределами роскошных спален и гостиничных номеров). Горничные и полотёры капитала! Сорвите с эксплуататоров их лоскутное одеяло! **Хана!**

6.

Рассматривая историю современной культуры и её институций, надо

постоянно иметь в виду скрытую или явную борьбу групп и лиц, в которых эта культура конкретно воплотилась. Нужно помнить, что в этой культуре был не только Марсель Дюшан, но и Артюр Краван, не только Стэнли Кубрик, но и Джек Смит, не только Карл Андре, но и Ана Мендиета, не только Даниель Бюрен, но и Ги Дебор. Таким образом, антагонизмы существовали, развивались и осознавались. Подлинная критика классовой культуры шла с позиций внеинституциональных, антикапиталистических и последовательно революционных. В то же время под давлением экономических и идеологических аппаратов капиталистического государства основная часть интеллигенция дезертировала с эмансипаторского фронта и окопалась в буржуазных салонах, музеях, крупных издательствах, клубах, богатых киностудиях и университетах. Интеллектуалы и «культурные работники» оказались привязаны к государству, как последние бюрократы, у них выявилась отвратительная способность к сотрудничеству с гнусными функционерами, которых они на словах презирали, и к примирению с гегемониальными институтами, которые обеспечивали их выживание. Именно это соглашательство интеллигентов с либерально-фашистским порядком объясняет прогрессирующую «бесплодность» и торгашескую «спектаклярность» современной культуры. Те же из интеллигентов, которые остались на «критических» позициях (внутри институций), подвергли эмансипаторские идеи систематической ревизии. «Культурные работники», вы – дрянь! **Хана.**

7.

Всё существующее в культуре – это изменяющееся сочетание старого и нового, возникающее на мгновение равновесие культурных отношений, соответствующее равновесию отношений общественных. Устойчивость современной культуры и её языков, как и устойчивость нынешней либерально-фашистской системы, – мнимая устойчивость. Лишь после разрушения капитализма и государства проблема культуры встанет во всей своей сложности и потребует усилий каждой и каждого. В любом случае только позиция, настаивающая на разрушении классового общества, может быть признана сегодня последовательно критической, и если эта позиция может быть названа романтической, то это такой революционный романтизм, который стремится стать классицизмом. Для критически мыслящего «культурного работника» нет иного выбора, кроме революционной культуры. Прекращайте быть «культурными работниками» - становитесь революционерами! **Хана.**

8.

Революционная культура – это насильственное опровержение (оспаривание) существующего порядка – или она суть ничто. Революционная культура может возникнуть только на базе последовательно критической теории, понятой как сложный инструмент политической борьбы. Революционная культура создаётся лишь в непосредственном процессе этой борьбы – теми, кто восстал против своего подчинённого (и отчуждённого) положения в обществе. Вместе с тем угнетённые не могут создать свою культуру до тех пор, пока не освободятся от своего современного классового положения. Условия существования угнетённых в современном обществе, теоретически открытые Марксом, мстят основателю философии практики судьбой, на которую обречена сама его теория. Несравненное орудие интеллектуальной культуры, она остаётся неиспользованной отчасти из-за своей несовместимости с либерально-фашистской культурой, носящей классовый характер, отчасти потому, что она далеко опередила потребности угнетённых в оружии для их борьбы. Только освободившийся от современных условий существования угнетённый класс обобществит, вместе со всеми другими средствами производства, исследовательский метод Маркса, с целью полного его использования на благо всех людей. В настоящее же время революционная культура может существовать лишь в качестве отдельных попыток, усилий, специфических действий, рабочих заготовок. Однако и эти заготовки требуют колоссальной сосредоточенности и всецелой поглощённости. Душой и телом, сознанием и навыками – немедленно в революцию! Прочь из институций! Смерть либерально-фашистской идеологии! **Хана!**

9.

Официальные («признанные») «культурные работники», занимающие «критическую» позицию внутри института культуры и тем самым находящиеся под безопасной «профессиональной» крышей, реально не заинтересованы в изменении культурных отношений и в трансформации общества в целом. В лучшем случае их деятельность носит реформистский характер. Чаще всего эти «профессиональные» деятели не осознают свой привилегированно-холуйский статус в современном механизме эксплуатации и подавления. Иллюзия критического говорения, которой они тешат себя в отдельных институциях и изданиях, парализует в них всякое революционное желание и подлинно критическую мысль. Страх реальных действий и самодовольство пронизывают их интеллектуальные методы и

привычки. Их сентиментальное или циническое, академически-элитарное или популистское мировоззрение отвращает угнетённых от необходимости восстания. Очевидно, что все эти «культурные работники» лишь утверждают status quo. Поэтому мы говорим им: война! **Хана!**

10.

Проблема революционной культуры может быть решена только через решительный разрыв критически мыслящих «культурных работников» с современными институциями, а также с царящими в них отношениями и господствующими в них языками. Если же у «культурных работников» не хватит воли на такой разрыв, камни станут главным диалектом революции. Новая культура может быть реализована только через эмансипаторский революционный праксис. Что это значит? Читайте философию практики! Это означает разрушение культурной деятельности как отдельной специализированной области, а также преодоление дихотомического разрыва между художественными моментами и моментами обыденными. Это означает союз (социо-политический блок) с угнетёнными, отчуждёнными от производства культуры, то есть создание новой – революционной – культурной гегемонии. Современный «культурный работник», решительно трансформирующийся в революционера, обязан знать, что не «профессионалы» и авторитарно построенные элиты, но все без исключения индивиды должны заниматься созданием новой культуры, призванной вернуть людям сознание и свободу, то есть искомое тождество с историей. Одним словом, требуется воплотить в жизнь старый лозунг: поставим революцию на службу культуре, а не наоборот! **Хана!**

11.

Теоретическая ориентация, организационные методы и конкретный ежедневный праксис – вот главные вопросы для современных «культурных работников», вставших на дорогу к революционной эмансипации. Нужно вырабатывать строгое критическое (со)знание каждой и каждого - и одновременно создавать дееспособную революционную организацию. Изменение общества через индивидуальные акции невозможно. Это не означает, что освобождённый жизненный опыт индивида не имеет больше значения. Наоборот, страстное следование своему желанию и умная автономность индивида – это необходимые условия для создания ситуации, в которой появляются «мастера без подмастерьев». Организация, однако, не предполагает растворение индивида в бюрократизированной партии или

авторитарной группе. «Партии» манипулировали, соблазняли, коррумпировали, обманывали и лишали права на автономное действие своих рядовых членов, как и широкие массы. Необходимы не партии с лидерами, функционерами и «молчаливым большинством», а прозрачные, артикулированные, подвижные и самоконтролируемые политические коллективы, образующие «цепочки эквиваленций» с другими коллективами. И главное – с угнетёнными!

Хана.

12.

Революционная организация может быть только внеинституциональна и антиавторитарна, то есть структурирована по принципам прямой демократии и радикального равенства. Организация должна быть максимально проницаема для всех своих членов. Никаких вождей, координаторов, интеллектуальных наставников и бюрократических менеджеров. Деятельное участие всех и каждого в любом «проекте» и начинании является абсолютным условием для выработки отношений доверия между членами коллектива. В организации все занимаются принятием решений и их осуществлением. Именно таким образом уничтожается либерально-фашистская структура разделения и специализации. Организация никого не представляет и никем не управляет. Она отказывается говорить «за других». Организация должна делать всё возможное, чтобы избежать воспроизводства структур угнетения и отчуждения, которые пронизывают современное классовое общество. «Девиз» такой организации: не верить капиталистическому обществу ни в чём! Презирать это общество! Швырнуть ему в физиономию все его подарки! **Хана! Хана! Хана!**

13.

Самоорганизованная политическая группа сейчас – то есть в условиях глобализации корпоративно-технократического капитализма – должна функционировать как боевая ячейка. Её стратегия и тактика – фронтальная атака. Реформы и примирение с системой – тупик. То же касается принципа тактического союза – будь то с правыми, сталинистами или разного рода ревизионистами. Это – смерть. Блок с угнетёнными – никак не единение с авторитарными или продажными «левыми»! В случае разложения или стагнации группа прекращает своё существование. До тех же пор, пока она жива, её члены обязаны действовать конкретно, локально и специфично,

при этом руководствуясь теорией, которая соотносит местные проблемы с глобальными. Ибо если, согласно постулату Гегеля, всемирная история есть становление в сознании свободы, то это такое становление, которое мы все должны познать в его необходимости.

Хана!

ПОСЛАНИЕ МЕСТНЫМ МАРКСИСТАМ

Жопы! Вы изгадились! Окончательно задогматизировались! Думаете, вы лучше всех? Враки! Кагарлицкий, ты просто мягкий куль! Троцкисты, вы шавки! Карин Клеман, ты - бюрократическая шимпанзе! Кто там ещё?

Бузгалин! Чего стоит одна фамилия!

Два-три хама-главаря пытаются собрать тёмную, глупую свору, чтобы устраивать регулярно массовки и бубнить прогрессивные лозунги, которые адепты подхватывают, не разумея ни слова. А газеты разносят дальше... Ну и недоноски! Сектанты немытые!

Разоблачительный метод, то есть подлинное методологическое ядро, в котором сосредоточена испепеляющая сила критики, состоит, как заметил Маркс, в том, чтобы перевернуть всё. Сейчас, московские недоразвитые марксисты, нужно перевернуть вас. Как старого жирного Бенито, помните? Для этого нужно взять вас за карачки. Но не только. Нужно скорее основать критический журнал. Разносящий вас в пух и прах. Однако нету денег и авторов. Демоны рыщут. Демоны предательства. О, Фельтринелли, помоги! Лейбовици, не спи! Хуйня! Не ныть! Демоны рыщут. Демоны усталости.

Журнал должен называться: «Революционный концепт». Неплохо? Или: «Революционный конспект», Или: «Революционный рецепт». Нужно, чтобы там марксистов хуярили. И анархистов тоже. А лимоновцев просто утопили в говне, как бонапартистов.

Ась! Ась!

В журнале должны выдвигаться новые революционные программы. Демократически обсуждаться и оспариваться. Люди должны делиться с другими людьми своими концептами освободительной революции. Так мы будем поощрять истину. Так мы её обрящем.

Нужно вырвать Маркса из перчаток блюстителей марксистского порядка. Немедленно, сейчас же! Как бомбу, как ежа! Порядок поганцев-ревизионистов, который убил живую, телесно воплощённую критику, должен быть уничтожен в пух. Гогочите, ламы! Трепещите, приверженцы унылого любовника Фриды! У вас уже не стоит хуй! Тупицы превратили революцию в гнусную и невесёлую лицемерную науку. Папа Троц, ты – поц! Лучше уж читать Руди Рюкера! Он – хороший писатель. На Маркса же, бывшего фонаря в Лондоне, надели строгий конторский костюм и клетчатый холуйский галстук ради ложной респектабельности. Ленинцы, Путинцы. Так не пойдёт. Унылые гады в сырых подштанниках. Ради завоевания своего

места в библиотеке Будрайтскисы готовы на всё. Тяжёлые жопы. Так не пойдёт.

Критика – это боевой сок, а не пыльный носок. Критика - это искусный наскок, а не старый сапог. Критика - это умный пинок, а не нравоучительный сосунок. Критика – это сатирическая традиция, а не кондиция. Критика - это амуниция, а не милиция. Без смеха революция никуда не годится. Без смеха всюду одна проруха и прореха. А вы, говнюки, - без капли смеха. Может, на Будрайтскисе пуд жира и клочок меха, но всё равно он - для революции очевиднейшая помеха. Догматичная ряха, сталинистская веха...

P.S. И знайте: смех – это не шутка, анекдот или юмор, которые выполняют роль дренажной системы, регулируя, уравнивая, успокаивая. Смех – это не всеми принимаемый мини-аморализм. Это не «здоровое» подхихикивание над невозможностью перевернуть мир. Напротив, смех – это как раз момент переворачивания, разоблачение скрутившегося, примирившегося, опустошённого, готового на компромисс, уставшего, не доверяющего себе, обкутившегося, слабоумного, догматичного, мёртвого, обосравшегося, недоученного, доверившегося власти, полиции, порядку, партии, склеротическому вздоху, ритуалу, стоматологии, простатиту, немощи. Смех – это оружие!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Смех – это мех! Смех – это вылазка! Смех – это сверкающий доспех! Смех – это Ницше!

НЕСЧАСТНЫЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Несчастливые юноши и девушки, чего вы толпитесь на Невском?
В ваших головах лишь Том Круз и анекдоты о поручике Ржевском?

Хамы!

При взгляде на BMW ваши анусы сокращаются бойче?
Вы похожи на каких-то недоделанных *italiani* и *deutschen*!

Дамы!

Студенты, вы пошли в университет, чтобы гнойную делать карьеру?
У вас кресты на груди! Они означают поповскую мерзкую веру?!

Ямы!

Вас сначала кастрировали ваши злобные папы и мамы!
А затем вам промыли мозги агентства рекламы!

Рамы!

В принципе, вы никакие не молодые!
Ваши спиритуальные клиторы и духовные муди вялые и седые!

Храмы!

Товарный фетишизм – вот формула вашей жизни!
Вы копаетесь в ваших компьютерах, словно жирные слизи.

Гаммы!

И само слово «молодость» вдруг лишается смысла,
Как какое-нибудь жалкое музейное коромысло.

Тамтамы!

ПОД АСФАЛЬТОМ

Здесь один асфальт. И под этим асфальтом не пляж. Это на асфальте сейчас пляж. Это на асфальте сейчас и пляж, и горный туристический кряж, и дискотечная блажь, и тюремный ад, и тренажерный зал, и оперный бал, и военный парад, и супермаркет, и стадион, и демонстрация модной одежды, и вернисаж, и военное учение, и хоровое пение, и университетская лекция, и банковская дирекция, и киномассовка, и полу-классический, полу-панковский концерт, и переполненный морг, и переполненная биржа труда, и коллективное потряхивание гениталиями, и коллективное бряцание оружием, и мельтешение атомизированных толп, и фрустрированное одиночество, и слияние сектантских политизированных групп в тоскливых экстазах, и скинхедовская драка, и беспросветная автомобильная пробка, и грохот падающего самолёта, и грохот индивидуальных надежд, и грохот корпоративных проектов... На асфальте, залившем уже весь Земной шар (вместе с его океанами), и сверкающем, как вечная и неизменная физиономия Иди Амина (или его двойника Берлускони), свершается привычное капиталистическо-фашистское действо, массовый, коллективистский, получающий несказанное удовольствие от колоссальных скоплений людей, от ублюдочной принадлежности к элите, расе, народу, нации, классу, Дню независимости, 7-му ноября, Дню Всех Святых, отвратительный ритуал, масс-медиаальный блеф, глобальный симпозиум, телевизионная утка, кровавая баня, пьяная вечеринка, коллаборационистская свистопляска, бойня. И не удивительно, что покрытый блевотиной, харчками, обёртками от конфет, окровавленными бинтами, пулями, презервативами, обрывками газет, бензиновыми радужными пятнами, мазутом, лужами, трещинами и мокрым снегом асфальт сомкнулся над нашими головами. Мы под асфальтом – потому что мы хотим быть дерзкими, умными, весёлыми, бесшабашными, опасными, бескорыстными, щедрыми, пронизательными, категоричными, свободными, бескомпромиссными, отважными... Поэтому мы под асфальтом... И это не значит, что мы у себя дома – в тиши, в родимой почве, в благодатной горе, в тёплой норе, в гостеприимном приюте, в безопасном уюте, любимом подполье, кромешном раздолье, культурном андерграунде, счастливом подземелье, диком бункере, неизвестной пещере, где вместе с нашим чёрным героем – старым кротом – роем ходы, выходы, тайные лазы, боевые траншеи, проходы, лабиринты... Ни хуя...

Нет!!! Мы не у себя. Под асфальтом тоже ихняя, чужая, вражеская, хозяйская, купеческая, спецназовская, крошечная, нищая территория – фашистская, красно-коричневая, чумная, холерная, дискотечная, концентрационно-лагерная, спектакулярная, паноптическая, полицейская, концертная, дисциплинарная, ресторанный, фундаменталистская, социал-демократическая, национал-патриотическая, сивушная, подоночная... Всюду – и над асфальтом, и под асфальтом – власть, воля к власти, воля под властью, власть над волей, власть над телами, власть над душами, власть над сосудами, охота на жизнь, охота на ведьм, охота на дух, работарговля, торговля сердцами, мозгами, лёгкими, глазами, ушами, языками... Мы под асфальтом - сдохлым кротом, с забытым землёй ртом, с кровоточащими кулаками, с дымящимися головами... Тут нас не слышно... Или всё-таки слышно? Ау-ау-ау-ау-ау-ау!!! Вы нас слышите?! Да? Ни хуя...

Нет!!!!!! Необходимо преодолеть политическую, экономическую, этическую и эстетическую немоту, глухоту и нищету. В себе и вовне. Необходимо здесь, под асфальтом, заявить о себе и обратить на себя внимание червей, крыс, змей, inferнальных зверей, муравьёв, полёвок, хомяков, сусликов, детей, роботов и людей.

Необходимо мыслить и действовать.

Поэтому мы – подасфальтовики – заявляем:

1. Мы не принадлежим ни к красным, ни к белым, ни к чёрным, ни к жёлтым. Мы – бунтующие бопперы.

2. Мы не христиане, не иудеи, не мусульмане, не лютеране и не мормоны. Мы - сексуальные бопперы.

3. Мы не антихристы и не сталинисты, не унылые анархисты и не радостные пацифисты. Мы не троцкисты, еби их мать, а восхищённые бопперы.

4. Мы не чекисты и не рецидивисты. Мы – весёлые бопперы.

5. Когда мы обнимаемся, мы делаем это потому, что любим и хотим, а не потому, что надеемся попасть на рекламную страницу или декларируем свою принадлежность к сексуальным большинствам. Таков моральный кодекс бопперов.

6. Мы не признаём никаких авторитетов, никаких духовных наставников или политических вождей, и сами решаем, что хорошо и что плохо, что красиво и что уродливо. Таков уголовный кодекс бопперов.

7. Мы не уважаем закон и здравый смысл, потому что и тот, и другой тотально захватаны властью. Таков гражданский кодекс бопперов.

8. Мы хотим, чтобы дети, звери и все люди имели возможность делать,

что им вздумается и никакие моральные гады им никогда не указывали. Достижимо ли это?

9. Мы не верим, что прогресс мира требует тупой работы в офисах и на фабриках, в отелях и на плантациях. Мы вообще не верим в прогресс и в какую бы то ни было работу. (Зато мы верим в творчество освобождённых бопперов!!!)

10. Мы не любим слово «народ», потому что им злоупотребляют правительства, сталинисты, фашисты, попы и ретрограды. Это слово воняет!!!

11. Мы, как и Вильгельм Райх, с глубоким недоверием относимся к «маленькому человеку», потому что «маленький человек» не знает самого себя, предаёт своих друзей и закоснел, как блоха в янтаре, на тысячу лет.

12. Наша весть: любовь к жизни и воля к власти отныне несовместимы друг с другом. Воля к власти хочет уничтожить любовь к жизни. Грязь! Уничтожим же волю к власти!

Окончательный вывод: нужно быть дерзкими и жестокими. Нужно вытравить власть над асфальтом и под асфальтом, и прежде всего в самих себе – красных, чёрных, жёлтых, белых, дешёвых.

Ну и?

Да, да!

Выбор, как всегда, следующий: бороться за свою свободу или подчиниться, сражаться за своё достоинство или примириться с рабством, быть на стороне жизни или защищать скотство власти. Мы, выбравшие жизнь, говорим себе: а ну, взломайте асфальт, давайте крушите асфальт, скорее уничтожьте асфальт. Ну!!!!!!

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА – СМЕРТЬ

Ах! В коммунальных квартирах народ доживает свой шок и коллапс.
Вах! В ресторанах помоечных сброд допивает свой квас и свой шнапс.
Ох! А Сорокин с Лимоновым чтят свой слепой ритуал.
Мох! Чтоб народ вместе с сбродом по-прежнему спал и рыгал.

Мангал! Шакал!

Эх! Русская литература – гнусный труп коллективной судьбы.
Хэх! Вместо литературы нужна теория революционной борьбы!
Ых! Вместо читательских вздохов – сознательный рёв баррикад!
Пых! Вместо чувствительных лохов – стратегический шах и мат!

Чад! Град! Ад!

Ух! Слова – это что? Мистификация? Или как?
Жух! На словах то ли кровь, то ли жир, то ли гаденький лак!
Их! Жив лишь тот, кто демистифицирует весь этот трёп!
Фих! Пелевин – ты просто полу-товар, полу-поп!
Жмых! Лукомников – ты просто полу-бздун, полу-коп!
Фрих! Ерофеев, ты просто полу-говно, полу-сноб!
Чих! Соколов, ты просто полу-бабло, полу-жлоб!
Зих! Дарья Донцова, ты просто полу-чип, полу-блоп!
Плих! Дудинский – ты просто полу-мертвец, полу-боб!
Йих! Ширянов – ты просто полу-хуйня, полу-зоб!
Дых! Радов, ты вообще мокрушечный гроб!

Пропп! Ёб! Блоб!

**НЕ ВЕРЬ НБП!
НЕ ВЕРЬ НБП!
НЕ ВЕРЬ НБП!**

Как это ни смешно, между карликовым «национал-большевизмом», с одной стороны, и реальными национализмом и большевизмом, с другой, существует самая прямая и отвратительная преемственность. Она базируется ни на чём ином, как на грубом и наглom манипулировании: массами (в случае национализма и большевизма) и группками интеллигентской и люмпенской молодёжи (в случае НБП). Подобное манипулирование оказывается возможным только при опоре на тотально-репрессивное общество. В таком обществе процветают те же ценности, какие свойственны любому ультра-консервативному, реакционному режиму: родина, семья, послушание, дисциплина, порядок, превосходство старших над младшими, сексизм, бытовой расизм. Подобные ценности всегда оставались значимыми в стране, которую иногда называли СССР, а иногда Россией, поскольку являлись выражением тех особых и совершенно конкретных типов культуры, которые делали эту страну архаичной, сельскохозяйственной и палеоиндустриальной державой. Но парадокс заключается в том, что в тот момент, когда они открыто провозглашались национальными или государственными ценностями, они моментально утрачивали всякую привлекательность в глазах масс. Тем самым эти ценности теряли реальное содержание и делали конформизм Государства ещё более жестоким, тупым и репрессивным, и это был конформизм послесталинской и постсоветской власти. Провинциализм, грубость, необразованность как элиты, так и (на другом уровне) масс были абсолютно вопиющи и в последние периоды «Советской власти», и на первых этапах капиталистической реставрации в России. Отсталость, трусость и самовлюблённость интеллигенции ещё более фундировали эту развязную необразованность.

Один из авторов этого текста несколько раз лично встречался с Лимоновым в первой половине 90-х годов, а последняя встреча произошла поздней осенью 1998-го года. Мы оказались в московской «штабквартире» НБП – известном подвале на 3-й Фрунзенской улице. Нас поразила глумливая соц-артистская пропаганда на стенах: тупые и хихикающие слоганы, иронично-брутальные плакаты, игрушечные «калашниковы» и прочая дрянь, подвешенная к потолку. Любопытно было наблюдать, как

вождь общается со своими последователями: совершенно формально, невдохновенно, тускло, по-бытовому, по-семейному. Он постоянно давал им какие-то советы, наказания, рекомендации, а молодые люди слушали его, как уважаемого папашу, как старшего и любимого «брательника». Затхлостью и скукой веяло отовсюду.

В 2002-м году мы в Петербурге видели, как функционирует местное отделение НБП. Молодые активисты-лимоновцы заявили на митинг, организованный питерскими сталинистами в поддержку профсоюза трамвайщиков, который проводил в это время забастовку. На митинге никаких рабочих видно не было – одни старушки с портретами Сталина, а также похожие на религиозных сектантов комсомольцы, да ещё коммунисты-анпиловцы. Энбэпэшники пришли в чёрных рубашках, с партийными повязками на рукавах, с красно-бело-чёрными знамёнами. Просто фашисты! Они мгновенно захватили сборище – вывесили свои знамёна прямо в физиономии участников митинга, начали громко выкрикивать: «Россия – всё, остальное – ничто!» Присутствующие журналисты тут же кинулись к ним, как ласковые пёсики, поскольку с остальными им было нестерпимо скучно. Вот такие вот простенькие масс-медиаальные технологии!

Лимонов сейчас, в тюрьме, похож на свою унылую посмертную маску. Правда, он демонстративно продолжает строить разные гримасы, скорбно или иронично улыбаться, паясничать. Ему, разумеется, ужасно трудно. Он, повторяем, в тюрьме, а тюрьмы – все и повсюду! - нужно разрушать и уничтожать. Некоторые видевшие его утверждают, что он стал похож на китайского мудреца. Это – пошлость. На некоторых фото глаза его «светятся» чуть ли не благодушием. Святая гадина, пузырчатый угодник. На деле же это только ветхая фальшивая маска. И если эту маску сорвать, то за ней, скорее всего, не обнаружится ни мяса, ни костей, ни даже горсти пепла. Только пустота, только игра в литературу, в жабью славу, в бубновое величие. Всё это совершенно позорно и ничтожно, потому что хуй Эдичка – «большой писатель и политик» - не помог своим юным адептам, а только одурачил их и бросил ни с чем. Вернее, с тупой и жлобской «философией».

Лимонов и другие «культурные деятели» почти окончательно погубили местный политический активизм. Они сделали из него газетный балаганчик, телевизионную жвачку, похабень. Они эстетизировали его в самом худшем смысле – ибо что такое Дугин, как не жалкий литературно-административный эпигон «консервативной революции», и что такое Лимонов, как не талантливый мелкобуржуазный эпигон «большой

литературы бунта»? Но к реальному бунту ни тот, ни другой не имеют ни малейшего отношения. Оба лишь послушно поклонялись своим гниющим божкам, оба кончили «начальниками», авторитетами, бонзами... Лимонов, послушай, ты - урожай «Московского комсомольца», второсортный портной грядущего Гимmlера, ты - суходрочка фашистского импотента-вышибалы, ты - труп номер шесть, семь, восемь, девять... Ты будешь вскакивать из гроба по приказу вылепленных из собачьего дерьма журналистов-поганцев и орать: «Зиг хайль! Император банзай!» Ты будешь куклой-ебалой, садящейся белой сморщенной жопой на палец кибер-Розенберга. Ты будешь мухомором для юнцов, ищущих в заплёванном лесу жидовскую заразу. Ты будешь ликом на знамёнах очередных недоделанных «Идущих вместе». Хрень харкотная, харьковская вечность... Через триста лет по телевизору захотел повыёбываться? Урод очкастый и бледный! Героем для несчастных заспиртованных младенцев желаешь выставиться? Мелкая нечисть! Дурак, ты что - забыл, как кровушка воняет? Напомнить, напомнить захотел? Пролиться кровушку просишь, недоносок? Придурок хуев! Наёмник, дрянь копеечная! Все твои книжки - река гнилой лихорадки... Все твои молитвы - брызги сортирные... Да и сам ты, Эдя, - дерьмо в вентиляторе... В гроб тебя,дохлый, в гроб... Засранец...

О РЕЛИГИИ

Роберту А. Уилсону посвящается

Религия – господи ты боже мой! Говнобой и говнорой! О-о-о-о, бно, бно! **Бьорк – ты говно!** Как давно это было! Хма! **Рысье рыло!** И вот опять всплыло! Хва! Сладкое мыло! Что осталось от пурпурных роз? **Боз! Боз!** Говносос и говносос! Бля буду, суки!!! Куки! Икуки! **Не тяните руки!** Слышите, хлыщи? Ющи! **Жакерию - ищи-свищи!** Пищи! А теперь не религия, а блядь! Хвать! **Ять!** Это – сволочь! Гать! **Сволочь!** И её мать! Сволочь! **И хватить врать!** Слышишь, Дионис?! **Кис-кис!** Внемлешь, Пазолини?! **Жопа в глине!** Я был на Голгофе две тысячи лет назад, и моё имя было, как всегда, трус и гааааад. (А вовсе не Иегошуа или Шошуа, два шиша!). **Шах и мат!** И я был Варварой, голой, с сиськами, с пупком, и из сраки торчал волос ком! С волосами, да-с, и пёр газ; **настоящей, вопящей Варварой был** (а не варваром, как вы, суки, меня именуете), **и я гнил!** Гнил! И ныл, **ныыыыл!!!** Да, я ненавидел священников и бога, у меня от них уже три тыщи лет изжога! **Три тыщи лет подлога!** Ооооога! И именно потому, брат, был я распят священниками этого самого бога на кресте, сволочь, как ухо Ван-Гога! **Те-те-те!** Да, я ненавидел попов вонючих, и гнусов падучих, и поэтому был распят священниками Иеговы как пять тысяч быков ебучих. **Ууучих!** Я - безработный, бунтарь и просвещённый анархист, а они вопили: «Фашист! Фашиииииист!». **И потом был брошен на кучу овечьего кала, как некий вульгарный ослиный ебала.** И я знаю этого паршивца, этого лжеца, эту паскуду, который забрался на мой пустой крест, **бля буду,** который уже не стоял, а хромал, и валялся на скалах, и пердел во всех колокольных залах, и сел раком на то место, где была моя кровотокающая дыня-невеста! **О, раздвинутая невеста на прутьях насеста!** Ооооо, весомая плоть, жжёный господь! О, могущественная пизда, не терпящая гнёта гнезда! И этот обманщик зовётся сейчас бог, иисусик, самый главный сапог, комариный укуси́к, **Иван Грозный, Фридрих Великий, Анус двуликий, Бисмарк, Сталин, Буш,** или, одним словом, **куш, куш, куш, куш, куш, куш, куш, куш, куш!** Поооооооп, толоконный лоб! **Патриарх-набоб!**

Вот вам и вся религия, анархисты. **Вы, а не я, здесь фашисты.** Это не Гераклит в куче навоза, а в собачьем хрене заноза. Это не глубочайшая одухотворённость, а материи толоконность. **Это поп, поп, поп** и бедная бабка (бывший комсомолец), заполучившая в лагере гроб. Это

констатировал ещё маркиз де Сад: бог – гад. Ад! Ад! Ад! Ад! Религиозное убожество всегда есть в одно и то же время выражение неудовлетворительного художества. И протест против этого убожества есть одновременно протест против этого художества. Тожество – это тождество!

Упразднение религии, естественно, нужно: и подкожно, и наружно. Это не требование бессознательных масс, а любовь прозапас. Хуй – осознанного - блаженства. (Телеграмма из Кука агентства). Требование на фиг иллюзий - положение после контузий. Первая мировая война, вторая мировая война, третья мировая война – продолжение бесконечного жлобского сна. Не встанем со дна?! Хватит трепать об иллюзиях. Будем бороться с Узиях! На хуй Узиях-карапузиях! Лучше пере, чем недо. Нет, лучше прямо в соседа.

Послушаем Маркса: «Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы – не для того, чтобы люди продолжали носить эти цепи в их форме, лишённой всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы они сбросили цепи и протянули руки за живым цветком. Критика религии освобождает человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, боролся, творил новую реальность как освободившийся от иллюзий, то есть подлинно обалденный человек. Чтобы он вращался вокруг себя самого и своего действительного солнца, как сказал дядька Фейербах. А религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого.

Задача истории, следовательно, - с тех пор как исчезла правда потустороннего мира (а она исчезла), - утвердить правду посюстороннего мира, которая ах как непроста. Ближайшая задача антихриста, находящегося не на службе иллюзии, а на службе истории, состоит – после того как разоблачён священный образ человеческого самоотчуждения – в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его несвященных образах. Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, критика религии – в критику права, критика теологии – в критику политики.

Поп, ты – делец!»

Румыния - хуйня! Румыния! Румыния - хуйня!

Румыния! Румыния - хуйня! Румыния!

Румыния - хуйня! Румыния! Румыния - хуйня!

ШАМПУНЬ И САМОСОХРАНЕНИЕ

*Мне нравится шампунь из тапиоки, друг. Жо!
Он дематериализует коридоры вокруг. Бо!
Он трансформирует голову в одуванчик. Ась?
Он делает из сапога стаканчик. Ась?*

***О, шампунь, о, шампунь, о, шампунь!
Пену сдунь, пену сдунь, пену сдунь!
Унь-унь-унь-унь! Бунь!***

*Мне нравится шампунь из дыни, друг. Бо!
Он превращает линию в круг. Жо! Жо! Жо!
Он делает тазик с червяками благоухающим. Ась?
А кончик удилица – тающим, исчезающим! Ась?*

***О, шампунь, о, шампунь, о, шампунь!
Пену сдунь, пену сдунь, пену сдунь!
Мунь-мунь-мунь-мунь! Нунь!***

А теперь отвлечёмся от стихосложения. Послушайте, братья и сёстры! Каким бы взглядом, добрым или злым, мы ни смотрели на вас, мы неизменно находим вас чрезмерно занудными, разумными, правильными. Все вы, идиоты, с присущей вам близорукостью, служите инстинкту самосохранения. Ух, как это скучно! Даже вреднейший человек есть, быть может, всё ещё полезнейший в том, что касается сохранения рода, ибо он поддерживает в себе или, посредством своего воздействия, в других влечения, без которых человечество давно ослабло бы и обленилось. Посмотрите на всех этих фашистов-пошляков! Поглядите-ка на Буша-младшего и на его пуделька Тони Блэра! Как они воинственны! Ха-ха-ха! Как они логичны! Как взъелись на Ирак! Как, чёрт возьми, катят на Саддама бочку! И всё для того, чтобы чуть-чуть расшевелить вас, недотыкомки! Ненависть, хищность, злорадство, властолюбие и что бы ещё ни называлось злым принадлежат к удивительной экономии сохранения рода, разумеется, дорогостоящей, расточительной и в целом весьма глупой экономии, которая, однако, до сих пор убедительным образом сохраняла наш и ваш род, глубокоуважаемые братья и сёстры! Вот для чего нужны все

эти Баркашovy и Дугины! Мы и не знаем, можешь ли ты, милый наш сородич и ближний, вообще жить в ущерб роду, стало быть, «неразумно» и «дурно»; то, что могло бы повредить роду, пожалуй, вымерло уже много тысячелетий назад и принадлежит теперь к невозможным даже для самого Всевышнего вещам. Калигула? Гелиогабал? Ха-ха-ха-ха! Отдайся лучшим твоим или худшим влечения – в обоих случаях ты, по-видимому, окажешься в некотором смысле всё ещё покровителем и благодетелем человечества и сможешь на основании этого иметь своих хвалителей – и равным образом хулителей, ха-ха-ха! Геббельс-сморчок, несчастная падаль! Но ты никогда не найдёшь того, кто сумел бы в полной мере высмеять тебя, отдельного человека, даже в лучших твоих качествах, кто смог бы в достаточной для тебя мере и сообразно действительности проникнуться твоим безграничным мушиным и лягушачьим убожеством! Нету смеха, люди! НЕТУ СМЕХА!!! Смеяться над собой так, как следовало бы смеяться, чтобы высмеяться по всей правде, - для этого до сих пор лучшим человекам недоставало чувства правды, а одарёнейшим - гениальности! О-хо-ха-ха! Быть может, и у смеха есть ещё будущее! Оно наступит тогда, когда положение «род есть всё, а некто есть никто» станет плотью и кровью людей, и каждому в любое время будет открыт доступ к этому последнему освобождению и безответственности: ха-ха-ха-ха! Тогда, быть может, смех соединится с мудростью, и, быть может, из всех наук останется лишь «весёлая наука»! Нынче дело обстоит ещё совершенно иначе, нынче комедия существования не осознала ещё себя самое – нынче царит всё ещё время трагедии, время нравоучений и гаденьких религий! Что означает непрерывно новое появление этих основателей моральных учений и религий, этих зачинщиков борьбы за нравственные оценки, этих учителей угрызений совести и религиозных войн? Всех этих Бин Ладенов и Рушди, Кондоллез Райс и Бушей, патриархов Алексиев и римских ёбанных пап? Что означают эти сучьи герои на этой паучьей сцене? Да, господи ты боже мой, до сих пор и не было иных героев, а всё прочее, лишь временами мелькающее и выпирающее, пукающее и пугающееся, служило всегда лишь вспомоществованием этим героям, всё равно, в качестве ли технического оборудования сцены и кулис или в роли доверенных лиц и камердинеров. (Поэты, например, всегда были камердинерами какой-нибудь морали. Например, дурак Маяковский, кретин Брехт, трусливая жопа Амири Барака, фашист Паунд, пиздюк Киплинг...) Гоп-гоп-гоп! Недоноски!

Так вот, само собой разумеется, что все эти трагики работают в интересах рода человеческого, хотя бы им при этом и мнилось, что трудятся

они в пользу Бога или Сатаны, Гитлера или Бакунина. Чушь! Скучища! Праздник посредственностей! И они – все эти мухи -способствуют жизни рода людского, способствуя вере в жизнь. Мак! Мак! Мак! Ой, жизнь, жизнь, жизнь-свиноматка!!! «Жизнь свята, жить стоит, - так восклицает каждый из них, - она что-нибудь да значит, эта жизнь, она имеет что-то за собой, под собой, над собой, ой-ой-ой!» Жизнь должна быть любима-а-а-а! Человек должен быть полезны-ы-ы-ым! Ы-ы-ы!

Да! Свины власти отнюдь не хотят, чтобы мы смеялись над подсолнечным существованием. Ни-ни! Ни Толичек Осмоловский-боппер, ни Куличок-опер. Ни-ни. Володя Сальников, и ты тоже, рожа! Да! Смеяться нельзя и над самими собой, боже упокой! Нет, нет, Иосифу Виссарионовичу от Вити Мизиано привет! Как бы глупы и химеричны ни были жорины вымыслы и оценки, как бы ни недооценивал сеня природные катаклизмы и ни отрицал вова силу космоса – неважно! Тем не менее! Всякий раз, когда жопа-герой выступает на подмостки, достигается нечто похабное, до жути противоположное смеху, а именно глубокое потрясение множества индивидуумов при мысли: «Да-а-а, жить стоит! Да-а-а, и я стою того, чтобы жить!» То есть жизнь – ха-ха-ха-ха! – на некоторое время становилась вдруг интересной, значительной, умной. Ну и ну! Ну и ну! При взгляде-то на Ерофеева-гнуса?! Ха-ха-ха-ха! Так когда же, при таком раскладе, придёт время настоящего смеха? Когда, дорогие братья и сёстры наши?! Когда?!

ДЕТСКИЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК НА АРБАТСКОЙ СТАНЦИИ

Ой, шарик в метро летает!
Мук-мук.
Бочком потолок задевает –
Тук-тук.

Высоко жёлтый витает!
Буль-буль.
Никто его не поймает –
Гуль-гуль.

А он никому и не нужен!
Кус-кус.
Никем он не обнаружен –
Фус-фус.

И мнима его свобода -
Фиг-фиг! -
Под каменным небосводом –
Пиг-пиг.

А скоро ему уж сдуться –
Мур-мур.
Скукожиться, задохнуться –
Чур-чур.

И крошечным сгустком рвотным –
Цвиг-цвиг,
Падёт он к ногам бессчётным,
Миг-миг.

И будет растоптан к маме –
Чап-чап.
Не так ли со всеми нами?
Хряп-хряп!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОСКОВСКИМ ПИСАТЕЛЯМ, КРИТИКАМ И ИЗДАТЕЛЯМ

Обойдёмся без протокольных приветствий.

Вы, писатели, критики и издатели, сделали из литературы бойню. При этом, разумеется, и охотнорядский банкет. Вы, журналисты и эссеисты, сделали из литературы полицейский участок. И вместе с тем это такое спортивное мероприятие, вроде плевков в длину. Вы, романисты и публицисты, сделали из литературы притон ксенофобов. И в то же время мелкобуржуазный салон. Вы, поэты и критики, сделали из литературы кормушку для себя и своих приятелей. А остальные, как водится, могут подышать в сторонке. Вы, издатели и писатели, сделали из литературы стеклянный морг.

Ненависть! Ненависть!

Сегодняшняя книжная индустрия отвратительна тем, что она одновременно приторговывает культурой, хихикает над ней, восхваляет и гальванизирует её как «святыню», базарит о ней на псевдокритическом жаргоне, по-фашистски отрицает её, боится самой себя, бессознательно встраивается в общую политическую и экономическую свистопляску, сама себя нормализует и подбадривает, трусит во всём этом себе признаться, а также попутно слипает «правое» и «левое», консервативное и эмансипаторское, мифологизирующее и критическое в один гигантский перламутровый харчок. Это колоссальная пошлость, и это отсталость, и вопиющая гнусность. И это халтура, прежде всего. И ещё это общая ваша судьба, похоже.

Ненависть! Ненависть!

Вы используете литературу для собственного выживания и собственного скудного развлечения, хлопцы. Вы, писатели, критики и издатели, используете в целях экономического выживания и сладкую розовую литературу, и черносотенную литературу, и красно-коричневую литературу, и жёлтую литературу, и «экспериментальную» тоже. Вы сделали из всего этого заискивающий товар. Вы издаёте книжки в твёрдых и мягких похабных обложках. Они кричат о себе: «Мы – жалкие уроды! Мы хотим соблазнить вас, бедняжки потребители, но знаем, что мы вам глубоко безразличны, и даже противны, и вообще вам не до нас с вашими житейскими невзгодами! И всё-таки вам от нас не отделаться, хи-хи-хи!». Вы продаёте эти книжки, как наушники, как целофановые подушки, как значки

с национал-большевистским серпом и молотом. Вы сделали из книг церковные образки и декоративные пепельницы за десять или пятьсот рублей. И торгуете вы ими одновременно как нищие бабки и как хитрые брутальные сутенёры. А если кто-нибудь обратит на это ваше внимание, вы кричите: «Ну и что?! А вы-то сами кто? Се ля ви!»

Ненависть! Ненависть!

Вы учите потребителей воспринимать литературу как нейтрализованный, лишённый всякой разоблачительной силы, безразличный товар из бесконечного гнусного киоска. Вы внушаете людям, что дерзкая бунтующая сила литературы исчерпана. Если и есть ещё читатели и читательницы, которые любят книги, как анальные или вагинальные шарики, то для вас самих, профессионалов и экспертов, эти шарики – не удовольствие, а лишь кривляющийся, ненадёжный капитал – отчасти символический, отчасти опять-таки экономический. По большей части несерьёзный, иллюзорный, так себе капиталец, потому что серьёзный капитал, как учат вас масс-медиа, это – нефть, власть, газ, недвижимость. И вы бездарно путаете нефть с литературой, власть – с писательством. Вас больше возбуждают не книги, а масс-медиальные сплетни вокруг них. Кто тут котировается выше всех? Что поговаривают на телевидении? А в газетах? А кто на обложке? А кто, чёрт побери, побьёт, наконец, рекорд Сорокина, Пелевина, Акунина? Вы превратили литературу в интеллигентскую злобную сплетню. И вы завистливо и злорадно гогочите над очередным слухом о крахе на выдуманной вами же самими литературной бирже, и смакуете его, и тут же его забываете. У вас вообще короткая память, как у алкоголизированных лавочников. Вы, по-лакейски злобные и услужливые, забыли, что приличный литератор не вправе проигнорировать или выкинуть из головы ни один факт из истории культуры – ни уход Рембо, ни отчаяние Уайльда, ни бродяжничество Хлебникова, ни фиаско Маяковского, ни бешенство Арто, ни малодушие Брехта, ни ужас Шаламова, ни ренегатство Мальро, ни вызов Жене, ни отчуждённость Клоссовского... Но вы всего этого не хотите помнить. Вы готовы кормиться лишь близлежащим, соседним, лишь тем, что вам протягивает на ладони ваш собутыльник-коллега. Поэтому вы такие плохие писатели и критики, просто сопли. Но в то же время вы верите в академическое бессмертие литературных бонз, и страшно боитесь безвестности и смерти. Вы – колоссальные, непереносимые трусы и приспособленцы!

Ненависть! Ненависть!

Критики! Вся литературная теория, которая досталась вам «по

наследству» и которая приходит к вам в переводах из-за границы, бессильна взбесить или критически организовать вас. Вы боитесь и презираете само понятие «метода». С лёгкостью употребляя словечки типа «постмодернизм», «деконструкция», «психоанализ», впад и невпад вставляя имена Ницше, Лукача или Фуко в свои сплетни и опусы, вы не отдаёте себе отчёта, к какой напряжённости они обязывают: к напряжённости тигриной схватки, тюремного бегства, сражения со смертельной болезнью. Вместо этого вы ведёте себя как морские свинки в аквариуме вивисектора. То есть мирно пожираете теорию и столь же мирно её выкакиваете. Вы заранее соглашаетесь с «нетождественностью» жизни и знания, вы признаёте разрыв между существованием и воображением пассивно и без всякого страдания, которое некогда демонстрировал Адорно, резко отделяя богатство интеллектуальных достижений от очевидного убожества носителей «духа». Но для вас страдание – это не необходимый элемент культуры, а смехотворный анахронизм. Вы ежедневно, ежечасно всеми своими привычками разрушаете столетиями искомый принцип воплощения творчества в жизни: философии в жизни философа, поэзии в жизни поэта. Да, разумеется: большинство современных интеллектуалов не готово следовать этому принципу – буржуазно-торгашеская, антидемократическая культура радикально препятствует этому. Но вы даже и не пытаетесь вставлять палки в уничтожающее колесо этой фашизоидной культуры!

Ненависть! Война! Разрушение!

Тем временем лёгкость, с которой вы, писатели и критики, обращаетесь с идеями и словами, свидетельствует лишь о вашей интеллектуальной лени и полнейшей деморализации. Слова в ваших руках становятся необеспеченными бумажными деньгами, ничего не значащими значками, потерявшими всякую силу и всякое отношение к жизни, в которой они, как вы, верно, догадываетесь, берут начало и которую якобы представляют. Нет, уже давно не представляют!

Сволочи! Борзописцы! Ничтожества!

Вы, имеющие влияние и власть, учите начинающих, что в ситуации, когда литературный процесс будто бы обрёл своё единственное мерило в индивидуальном образе каждого произведения и в наличествующем социокультурном контексте, а не в правилах той или иной традиции, школы или группы, - в такой ситуации главным залогом успеха становится не интенсивность культурного эксперимента, а всего лишь включённость того или иного автора в коррумпированную «тусовку», правильный лагерь,

удачливую мафию. (Вы учите этому, может быть, не прямо, но косвенно – своим образом жизни и профессиональными жестами.) Желаящий получить признание должен, оказывается, смотреть, потупясь, на галстук или кадык своего наставника, хозяйчика, редактора, босса. Зависимый должен поддакивать «вышестоящему» во время позорных возлияний и застолий. Главное – покорность! Субординация! Функция! Критики в таком раскладе выполняют роль менеджеров, протезирующих агентов, перекупщиков и наводчиков. Издатели – наниматели. Писатели – покладистые податели! Неплохо придумано! Вы, расслабленные псевдобогемные недогедонисты, – самые заскоруждые бюрократы и солдафоны литературы!

Ненависть! Ненависть!

Между тем не заглохла ещё традиция, которая осознала художника как странного и одинокого следопыта, разведчика, исследователя, выявляющего разрывы, тупики и обломы в ходах гладкой коммуникации. Бух-бух! – и обвал. Если понять, что любая идея или образ, рождающийся в подсознании, должен через вмешательство воли стать словом в сознании, тогда проблема состоит в том, чтобы найти, в какой момент этого процесса возникает трещина, спазм, разрыв, и действительно ли повод для затруднений, причина разрыва заключается в проявлении воли, и топяется ли этот разрыв именно в описанном процессе или же, например, в априорной необходимости наводить мосты с потенциальным читателем. Почему, почему этот разрыв появляется? И к каким последствиям он ведёт? Иными словами, движение литературы от Сада до Кафки и Беккета учит, что писать возможно лишь телом, и при этом всем (страдающим и наслаждающимся) телом, всем наличным существованием, всем опытом. Кроме всего прочего, как учит Пазолини, «нужно постоянно убивать язык, чтобы прикоснуться к жизни». Но именно это живительное и плодотворное тонирование литературы блокируется ныне вами, критики и писатели, поскольку вы делаете из языка съедобные трусики, искусственную наживку для рыб, музейную каку. Вы примирились, окончательно примирились со своей ролью выбалтывающих анекдоты деля! Вы забыли, что интеллигенция – это социальная группа, обнажающая противоречивость, разорванность и взрывоопасность общества. Вы же демонстрируете лишь одно – покладистость!

Ненависть! Ненависть!

Издатели! Вы любите только гладкие, безопасные, по кондитерским рецептам сфабрикованные книги, вроде тех, что щекочут «эrogenные зоны».

милых среднестатистических читателей, к которым адресуются популярные учебники сексологии и справочники по кулинарии. Вы так их и издаёте – как приглашение к уютной послеобеденной мастурбации. Но литература – это как раз та область, которая разлагает технические стандарты, – в том числе и шаблоны добропорядочного онанизма. Вы приручаете своих авторов, как попугайчиков, и приручаете их к мысли, что срединный путь – лучший. Но давно уже замечено, что «срединный путь – единственный, что не ведёт в Рим».

Сволочи! Скурвились!

Когда-то были поэты и художники, которые верили в необходимость независимого печатания и дистрибуции своих произведений – и настаивали на этом, и производили опыты на своей судьбе и работе. Эти несогласные ставили под сомнение механизм художественного воспроизводства, навязанный господствующей экономической властью и культурными элитами, и осмеливались открыто восставать против них. Сегодняшнее поколение авторов, похоже, полностью приняло условия чужой игры и смирилось с общей тенденцией времени – репродуцировать пошлых поп-героев и милых «банковских» интеллектуалов, тем самым доводя до абсурда нынешний культурный конформизм. И главное – это абсолютно удобоваримый абсурд!

Ничтожества! Уёбища!

Всё, что творится сейчас в литературе, полностью соответствует консервативной (позитивистской) модели, согласно которой письмо есть некая профессиональная способность (или социальная функция) вырабатывать общезначимые, обмениваемые друг на друга «концепты», каковые структурируют наличествующее культурное поле и придают ему видимую стабильность и авторитетность. Так это и происходит здесь и сейчас, и только совсем уже клинических идиотов могут ввести в заблуждение те скандальчики и «зачистки», которые, словно радужные пузыри, вздуваются на поверхности литературного болота и якобы свидетельствуют о культурных «буре и натиске» или хотя бы «шуме и ярости», а на самом деле играют роль рекламы для отдельных авторов или целых группировок. Нет, это не «буря и натиск», нет, это не революционный пересмотр эстетических и социальных позиций, нет, это не шум воздвигаемых баррикад! Тогда что же? Банальное политиканство, переговоры интересов, кусанье за ляжки. Как и в политике, в культуре идёт тяжёлая и убогая борьба за власть, и эта борьба носит исключительно мракобесный характер. И что самое печальное, в этой пошлой и затхлой

борьбе, кажется, уже окончательно похоронено представление о культуре как о подлинном поле сражения, где с открытым забралом в честном споре сходятся друг с другом авторы, идеи и образы, и где феномены мысли и слова оказываются в то же время особой, пронзительной формой человеческого существования или, иначе говоря, где мыслимое воспринимается человеческой душой только воплощённым в жизненное – и связь этих двух планов и называется культурой.

Уроды! Скоты! Висложопые!

ADDRESS TO STUPID ARTISTS
(стихотворение на английском языке)

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop touching your Fluxus-cocks!

I see you got some artistic ambitions.
But actually you are very bad aestheticians.
You come from a stupid middle-class pseudo-avant-garde tradition.
And in addition you ask for capitalist admission.
I wish nothing but your complete demolition.

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop licking your Fluxus-cocks!

The most important question is: For whom do you work?
And I answer for you: You work for dead pork!!!
Your artistic weapons are blunt like a plastic fork.
Your art is made for a depoliticised relaxing jerk.
When I see you I go berserk.

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop sucking your Fluxus-cocks!

You play with each other like pacified pets.
In the meantime all power on this planet is seized by fat rats.
And you serve them as soft fucking doormats.
You stink like standardised shit of housecats.
Why are you such ignorant reactionary boneheads?

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop kissing your Fluxus-cocks!

I know why: because you are lazy fools.
You don't know how to use your tools.
You are absolutely ignorant about critical philosophic schools.
You prefer John Cage's obsolete elitist rules.
You are not wild horses but impotent mules!

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop praising your Fluxus-cocks!

I order you now: stop playing your miserable trictrac!
I order you: immediately go to France and spit on Chirac!
I order you: go to Egypt and spit on president Mubarak!
Because the vicious pigs are always supposed to attack
We have to make a huge and beautiful counter attack!

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop stroking your Fluxus-cocks!

Art and Music should be weapons of revolutionary fight.
Today resistance culture vanished into an arctic night.
Don't pretend that the aesthetical field is fucking all right.
You must challenge your privileges as male euro-centrist white.
Otherwise your art is on the scumbags' side.

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop eating your Fluxus-cocks!

We need a culture that directly describes capitalist shit
And moreover tells us how to get rid of it.
We need a new socialist art indeed.
We don't need the entertainment industry but a rebellious deed!
To make ends meet!

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop admiring your Fluxus-cocks!

So now you are little shitters but you can improve.
For that you must stop just scratching a groove.
Instead you have to move, move and move.
You have to destroy your safe professional roof.
Your must be more radical than Benjamin Buchloh and Thierry
DeDuve!

Hey! Listen to me Banderlogs!
And stop showing your Fluxus-cocks!

You have to be Black Panther extremists!
You have to be Irish nonconformists!
You have to be Palestinian anti-colonialists!
You have to be anti-capitalist activists!
You have to be communists, anarchists and collectivists!
You have to be revolutionary maximalists!
You have to be counterculture interventionists!
You have to be sexism and racism destructionists!
You have to be third world anti-imperialists!
You have to be everyday and every minute Antifascists

Do you understand me Banderlogs?
Once and for all get rid of your Fluxus-cocks!

КРАБОВЫЕ ПАЛОЧКИ: ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

Крабовые палочки! Крабовые палочки! Розовые галочки! Розовые галочки! Ах, крабовые палочки! Крабовые палочки! Браговые балочки! Браговые балочки! Крабовые галочки! Их, розовые палочки! Беленькие салочки! Ах, крабовые галочки! Ох, крабовые палочки! Крабовые галочки! Ох, розовые палочки!

Розовые галочки!!!

Крабовые палочки, ох, крабовые палочки!

Ух, художник Талочкин! Писатель Палочкин! Зритель Балочкин! Коллекционер Талочкин! Отец Талочкин! Сын Малочкин! Племянник Фалочкин! Блядь! Блядь! Блядь! Блядь! Блядь! Блядь! Блядь!

Блядь!!!

Нет, нет, нет, нет – кошки выше! Кошки выше, выше, выше, выше! Они - слоны, а те – мыши! Выше! Выше, Слава тебе господи, выше! Тише, тише, тише, тише! Дышим, дышим, дышим, дышим! Злостью святой, твёрдой мощной: дышим, дышим, дышим, дышим! Выше крыши! Выше крыши – кошки выше крыши! Мыши! Мыши! Мыши! Мыши! *Пригов - дурак!!!*

А Гитлер? А Гитлер? А Гитлер? А Гитлер?

Да! Да! Да! Да! Да! Да! Да! Да!

Ситлер! Ситлер! Ситлер! Ситлер!

Выше! Выше! Выше! Выше! Выше, выше, выше крыши! Кошек, кошек, кошек, кошек нет выше! Нет кошек выше! Нет кошек выше! Тише! Тише! Тише! Тише! Кот на крыше! Кот на крыше! *Пригов - дурак!*

Клитор! Клитор! Клитор! Клитор!

Эдитор! Эдитор! Эдитор! Эдитор!

Ох, экспедитор, ох, аудитор! Ох, инквизитор! Великий инквизитор! Великий-великий-великий инквизитор!

Хуй с ним! ХУЙ С НИМ!!!

Хуй с ним! ХУЙ С НИМ!!!

Хуй с ним! ХУЙ С НИМ!!!

Хуй с ним! ХУЙ С НИМ!!!

Хуй с ним! ХУЙ С НИМ!!!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Есть только один бог - человек.

Под человеком следует понимать и детей, и женщин, и мужчин.

Человек имеет право жить по своим собственным законам.

Человек имеет право жить так, как он хочет.

Человек имеет право одеваться так, как он хочет.

Человек имеет право жить там, где он хочет.

Человек имеет право идти туда, куда он хочет.

Человек имеет право есть то, что он хочет.

Человек имеет право пить то, что он хочет.

Человек имеет право думать так, как он хочет.

Человек имеет право говорить то, что он хочет.

Человек имеет право писать то, что он хочет.

Человек имеет право смеяться надо всем, что он видит.

Человек имеет право менять своё сознание так, как он хочет.

Человек имеет право работать так, как он хочет.

Человек имеет право отдыхать так, как он хочет.

Человек имеет право любить так, где, когда и кого он хочет.

Человек имеет право плюнуть на того, кто посягнёт на эти его права.

Делай, что хочешь - это весь закон!

Александр Бренер, Барбара Шурц

ТУК-ТУК! РУБИТЕ СУК!